

INSPIRIA

УКРАСТЬ БОГАЧА РАХУЛ РАЙНА

содержит
нецензурную
18+
брань

« ПЕРВОЕ
ПОХИЩЕНИЕ
СЛУЧИЛОСЬ
НЕ ПО МОЕЙ ВИНЕ.
А ВОТ К ОСТАЛЬНЫМ
Я УЖЕ
ПРИЛОЖИЛ
РУКУ »

INSPIRIA

Loft. Смешно о серьезном

Рахул Райна
Украсть богача

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райна Р.

Украсть богача / Р. Райна — «Эксмо», 2021 — (Loft. Смешно о серьезном)

ISBN 978-5-04-122499-8

Решили похитить богача? А технику этого дела вы знаете? Исключительно способный, но бедный Рамеш Кумар зарабатывает на жизнь, сдавая за детишек индийской элиты вступительные экзамены в университет. Не самое опасное для жизни занятие, но беда приходит откуда не ждали. Когда Рамеш случайно занимает первое место на Всеиндийских экзаменах, его инфантильный подопечный Руди просыпается знаменитым. И теперь им придется извернуться, чтобы не перейти никому дорогу и сохранить в тайне свой маленький секрет. Даже если для этого придется похитить парочку богачей. «Украсть богача» – это удивительная смесь классической криминальной комедии и романа воспитания в декорациях современного Дели и традициях безумного индийского гротеска. Одна часть Гая Ричи, одна часть Тарантино, одна часть Болливуда, щепотка истории взросления и гарам масала. Украсить отрубленным мизинцем на шпажке и употреблять немедленно. Осторожно, вызывает приступы истерического смеха. «Дебютный роман Рахула Райны можно с легкостью назвать самой циничной книгой года – дикое, безбашенное путешествие по неприглядному Дели в лучших традициях Тарантино. Но за кусачим критиканством скрывается удивительная теплота, гораздо более убедительная, чем в любых других красивых и живописных романах об Индии». The Sunday Telegraph

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-122499-8

© Райна Р., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	7
Один	7
Два	17
Три	25
Четыре	30
Пять	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рахул Райна Украсть богача

Rahul Raina
HOW TO KIDNAP THE RICH

Copyright © Rahul Raina 2021

© Полещук Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Один

Первое похищение случилось не по моей вине.

А вот к остальным я уже приложил руку.

Я лежал в облаке коричневых бутылок. Руди валялся на полу, на лице засохла рвота. Я вроде как должен был за ним присматривать. Руди нюхал кокс – омерзительный западный синтетический наркотик. Чем плохи наши, восточные, благородные опиум с катом? А не это пижонское дерьмо.

Из угла на нас неодобрительно взирала статуя Сарасвати¹. Воняло палочками с камфорой, которые я купил, чтобы перебить стоялый пивной перегар, запах пота и уличной еды, щедро сдобренной куркумой.

Квартира Руди была – как говорит элита? – суперстильной. Плазма, шелковые ковры, на стенах картины современных художников. Продуманное встроенное освещение. До праздника Дивали² оставалось десять дней. Повсюду высились горы подарков от поклонников, рекламодателей, политиков. Корзины продуктов, коробки сладостей, букеты, японская электроника, открытки с деньгами.

Стоял один из тех влажных теплых дней, когда все чешут жопу и ВВП нашей великой страны недотягивает до прогнозов Всемирного банка.

Обычно из нас двоих не пью я. Видимо, сказалось напряжение: попробуйте-ка с утра до ночи присматривать за Руди, покрывать его, следить, чтобы он в непотребном виде не попался на глаза газетчикам. Меня мучило чувство вины, а еще бесило, что я не могу проводить время с женщиной, которую люблю, в общем, это тоже сыграло свою роль. Один-единственный день мне нужно было смотреть в оба, а я расслабился.

Был час дня. Через три часа должна была прийти машина и отвезти нас в студию. Через четыре часа загримированному Руди полагалось блистать перед целой Индией в главной телевикторине этой проклятой страны, «Мозгобой».

Я силился нащупать баночку чего-нибудь, чтобы встряхнуться. Нашел какое-то пойло, теплое, точно кошачья моча, как вдруг нам вышибли дверь. И запустили руки в квартиру, чтобы сорвать единственную уцелевшую петлю.

Послышались грубые возгласы. Я попытался подняться. Точнее, вскинул конечности, как перевернувшийся на спину буйвол.

– Руди! Вставай! К нам кто-то... – прошептал я. От глотки моей, иссохшей, словно пустыня, толку было мало.

Дверь наконец подалась, застонав, как пятидесятилетний в спортзале. Я хотел было крикнуть. Губы беспомощно шлепали.

Вошел мужчина, одетый больничным санитаром, с двумя складными креслами-каталками. Улыбнулся, увидев, как мы валяемся на полу посреди бардака.

«Бац, бац», – в дело пошла дубинка.

Я крикнул раз, потом еще раз, когда почувствовал кровь. Лицо мое закрыли хирургической маской. Я беспомощно булькал под нею. Я даже не сопротивлялся. Я вообще ничего не делал. Меня подняли и привязали к каталке.

---

¹ Сарасвати – в индуизме богиня мудрости и красноречия. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Дивали – праздник огней, символизирующий победу добра над злом.

Я увидел его желтые зубы, четки из черных бусин, похожих на высушенные человеческие головы, услышал, как он сказал:

– Тихо, или жирдяй получит.

Он хотел меня припугнуть? Значит, явно не в курсе, в каких мы с Руди отношениях. Тот даже не проснулся.

Тогда у меня еще был мизинец. Я скучаю по малышу. Позднее похитителям придется доказать, что жертва жива, а есть ли доказательство лучше, чем палец слуги?

Они отрубили его ножом, каким в дхабах³ режут овощи; такими клинками на рынке ровняют огромные пучки кинзы.

Я усвоил урок: если пытаешься шантажировать чувака, чтобы он отвалил тебе кусок богатства, тебя самого порежут на кровавые куски.

Я скучаю по своему мизинцу. Хороший был палец.

Гребаный Дели. Гребаная Индия.

Вы же понимаете, это не один из тех фильмов, которые начинаются как комедия, где Шах Рукх и Прити⁴ играют университетских друзей, а потом, чуть погодя, у всех вдруг обнаруживают рак, матери оплакивают фамильную честь, но все заканчивается свадьбой, а гости танцуют так, что беды отступают. Это никакая не трагедия. Мне всего-навсего отрубили палец. Ну, и мы организовали ряд похищений.

Ни матерей, которые внушают вам чувство вины. Ни слез. Ни переживаний, ага? Полное кичри⁵ от начала до конца.

* * *

А начиналось все так невинно.

Миллион триста тысяч рупий. Все, что я получил. Месяц лихорадочных, пропитанных потом занятий по четырнадцать часов в день, чтобы этот избалованный засранец поступил в университет, который выбрали для него родители.

Вы наверняка сейчас подумали: миллион триста тысяч рупий, Рамеш, да это же куча денег! Ты зарабатываешь больше, чем девяносто семь процентов индийцев, по крайней мере, если верить налоговой службе; чего ты ноешь?

Потому что я плачу налоги. Сам знаю, это глупо.

А еще потому, что живу с бешеной скоростью, и каждый год может стать для меня последним. Я все время на грани разоблачения, каждый раз, как в дверь стучат, я думаю: «Полиция?» – и все это из-за паршивого миллиона трехсот тысяч ганди⁶ (меньше комариной задницы!). Ну ладно, ладно, я ною, потому что мне нравится нить, парень из Дели имеет на это право с рождения, и я свято чту эту традицию.

С этим юнцом мы встречались триединожды – нет, три раза, нет такого слова, «триединожды», никогда не было и не будет, как сказала бы Клэр.

Я возненавидел его имя с той самой минуты, как услышал слово «Руди». Рудракш. Чертов Рудракш. Кому придет в голову так назвать ребенка? Разве что белым хиппи-шестидесятникам. Имечко для отпрыска кинозвезды, чувака с миллионом подписчиков в Инстаграме и

---

³ Дхаба – придорожная закусовая.

⁴ Шах Рукх Кхан (также Шахрух Хан, р. 1965) – индийский киноактер, продюсер и телеведущий, «король Болливуда». Прити Зинта (р. 1975) – индийская киноактриса, звезда Болливуда.

⁵ Кичри – блюдо из тушеного риса с машем, специями и овощами. Зд.: мешанина.

⁶ То есть купюр с портретом Махатмы Ганди.

пристрастием к «Луи Виттону». Звучит как название клея или средства для чистки полов: безотказный и мощный друг домохозяек, всего за сорок девять рупий.

У родителей Руди была симпатичная небольшая квартирка неподалеку от Грин-Парка⁷ – не самого завидного района, но близко к тому. На языке риелторов это называется «амбициозной локацией» для тех, кто стремится к успеху. Правда, машины там еще не немецких марок, а «Хонды» и «Лексусы».

На первую нашу встречу я захватил сумку с надписью «Экспресс-доставка» – ни тебе вопросов у ворот, ни задержек, только охранник взмахнет рукой: проходи. Я оделся разносчиком пиццы. Очень по-европейски. Очень шикарно. Словом, вознамерился прыгнуть выше головы, как говорят британцы в старых фильмах, где они лупят кули⁸ за то, что те строят глазки их невинным дочуркам.

Отец Руди оказался толстяком в футболке с логотипом гольф-клуба. Богач. Кто же еще. Если ты жирный и индус – значит, богач; если ты жирный и бедный – значит, врешь. Это только на Западе богачи – тощие высокоморальные веганы. На жене его был обычный розовый спортивный костюм в обтяжку. Их дом ломился от декоративного камня, средневековых гобеленов, в которых смутно угадывался стиль эпохи Великих Моголов, средиземноморских фарфоровых статуэток, мраморных богинь в соблазнительных позах; сразу у входа была устроена претенциозная молельня. Три спальни, четыре крора⁹ на рынке недвижимости.

Мальчишку я возненавидел с первого взгляда. Неправильный прикус, сальное лицо, свиные глазки. Ничуть не похож на настоящего Рудракса – грозное, всеведущее и всекарающее воплощение Шивы.

Я к нему несправедлив. Знаете, за что я на самом деле его невзлюбил? Абсолютно ни за что. Он был самый обыкновенный. Ничем не примечательный. Восемнадцатилетний. За предыдущие пять лет я таких перевидал сотню.

– Итак, – сказал отец Руди. Глазки его бегали на поросычье физиономии, полные она-низменных фантазий о том, как ловко у него получится нагнуть меня по цене.

– Итак, – сказала мать Руди, словно в мире полно занятий лучше: обсуждать со свекровью свой брак, или заниматься йогой, как белые, когда с тебя Гангом льет пот (Гангом? да я острослов!), или, что хуже всего, обсуждать свои надежды, страхи и устремления.

Слава богу, предварительные ласки оказались недолгими. Я немедленно перешел к делу и принялся себя расхваливать.

«Рамеш Кумар – консультант по образованию». Так написано на моей визитке.

Хотите, чтобы ваше дитячко набрало девяносто девять и четыре десятых процента, поступило в Индийский институт технологий и помыкало нами? Приходите ко мне. Хотите, чтобы ваша расгулечка¹⁰ получила высший балл на государственном экзамене и начала неминуемое восхождение к начальственному кабинету на Уолл-стрит в Лондоне или, не дай бог, если вдруг что-то пойдет не так, в Бангалоре? Я тот, кто вам нужен. Любой экзамен, любой предмет, всего лишь месяц. Или я верну вам деньги. И ведь все клиенты пытаются заполучить их обратно, все до единого.

«Вы набрали на одну десятую процента меньше, чем обещали». «Он поступил всего лишь в Вассар»¹¹. «Сын тетушки Рупы сдал лучше, причем *самостоятельно*». Все это я уже слышал.

Я один из лучших подставных экзаменуемых в Дели, а значит, один из лучших в мире. Мои единственные конкуренты – китайцы. Там, должно быть, тысячи таких, как я, двигают

---

⁷ Престижный район в южной части Дели.

⁸ Кули – наемные работники.

⁹ То есть 40 миллионов индийских рупий (1 крор = 10 миллионов).

¹⁰ Расгулла – популярное индийское лакомство, творожные шарики в сиропе.

¹¹ Вассар-колледж – частный университет в г. Покипси, штат Нью-Йорк, США.

карьеру мордатых отпрысков партийных бонз под вечным страхом того, что им пустят пулю в затылок или упрячут в какой-нибудь лагерь, где «перевоспитывают» мусульман, или, того хуже, отправят в Шэньчжэнь на фабрику по производству айфонов – ну, такую, с сетками от самоубийц¹².

Вот уж кто умеет заставить людей работать, так это китайцы. Ей-богу, за ними будущее. Ребенок западных богачей, да пусть даже индийских, если завалит экзамен, пойдет в социальные предприниматели. Китайский? Завалит экзамен – пойдет на фарш.

Мы, консультанты, будь то смуглые, черные или желтые, – побочный продукт сраной западной меритократии. Без нас не обойтись. Мы смазываем шестеренки. Благодаря нам работает этот мир, где человек человеку волк. Благодаря нам получают стипендии Фулбрайта¹³, научные субсидии и гранты. Мы – личные слуги захвата мира смуглокожими.

Обычно я сижу в своей тесной квартирке, она же офис, на втором этаже в Нью-Дели, потею, потею, и из моих яиц рождаются гиганты промышленности, будущие мировые лидеры, президенты. Я, как и вся наша армия рабов, создаю их из ничего. Быть может, однажды и у нас что-нибудь будет – свои дети, ради успехов которых мы станем давать взятки, громкое имя, при звуках которого все в страхе падают на колени или хотя бы расшаркиваются.

Разумеется, клиентам я этого не говорю. Я не говорю им, о чем мечтаю. Это они говорят мне, чего хотят. Я называю цену. Объясняю, какая мелочь несколько лакхов¹⁴ рупий по сравнению с будущим теплым местечком в «МакКинси» или «БиСиДжи»¹⁵, и их глазки-бусинки от страха и вождения подергиваются поволокой, как будто они смотрят порно. Потом клиенты обязательно пытаются сбить цену, словно я деревенская портомойка, пятнадцать лет не получающая от них прибавку, а не человек, который держит в руках будущее их сына.

Носи я костюмы, они побоялись бы меня нагибать. Но костюмы должны быть итальянские или французские. Наденешь индийский – быстро учуют и нагнут тебя еще ниже.

Костюмы. Вот о чем я думал, пока дорогой отец Рудракша, Вишал Саксена (сильная фамилия, мужественная фамилия) буравил меня глазами, раздумывая, за какие гроши удастся меня заполучить. Трюк с доставщиком пиццы устарел. Пора менять имидж. Надо будет поговорить с портным.

– Рудракш, – произнес мистер Саксена, и парнишка всхрипнул, словно спал на ходу и его разбудили.

– Пап, ты же знаешь, мне не нравится э...

Но под взглядом отца тут же умолк. Вот они, индийские родители. До сих пор такие. А лет двадцать назад сынку вообще вlepили бы пощечину за то, что осмелился открыть рот.

Губы у мистера Саксены были пухлые, красные, точно у киноактрисы, и это совершенно не вязалось с его обликом. А вот у его жены вовсе не было губ – и кто посмеет ее обвинить, с таким-то мужем? Она, поди, поджимает их с самого дня свадьбы.

Жена мгновенно вмешалась, словно хотела побыстрее меня спровадить и велеть слугам окурить благовониями скрипучий, накрытый целлофаном диванчик, на котором я сидел.

– Руди хочет в Кремниевую долину, делать карьеру в венчурных инвестициях, – сказала она таким голосом, что сразу стало ясно: на самом деле парню этого вовсе не хочется. – Нам нужны лучшие результаты на Всеиндийских выпускных экзаменах. Руди войдет в первые десять тысяч, или вы вернете нам деньги, – она выговорила это медленно, слоги один за дру-

---

¹² Речь о череде самоубийств сотрудников компании Foxconn, после которой все здания на территории, а также лестничные пролеты были затянuty сетками.

¹³ Стипендия Фулбрайта – стипендиальная программа, которая позволяет получить финансирование для обучения по программам магистратуры и аспирантуры в вузах США.

¹⁴ 1 лакх = 100 000 рупий.

¹⁵ «МакКинси» и «БиСиДжи» – международные консалтинговые компании.

гим отразились эхом от изысканного мрамора и деревянных панелей в духе Кхаджурахо¹⁶ – так медленно, будто я кретин.

Я кивнул неспешно и утихо. Если хочет, пусть думает, что я готов перед ней пресмыкаться.

Выражение лица у нее было соответствующее положению. Снисходительное. Примерно такое: «Мы теперь покупаем одежду в торговых центрах, а не на Палика-базаре¹⁷. Да и кто туда ходит в наши-то дни, сестричка, ну правда? Ах, вы с мужем? Ой». Но все равно было видно, на что она способна. Ее лицо рассказывало о непринужденном превосходстве верхушки среднего класса. Она была искренней в своем высокомерии. В этой стране нужно бояться лиц, которые выражают одно, хотя на деле должно быть другое. Видишь участливого и любезного инспектора полиции или услужливого чиновника, и сразу понимаешь, что влип.

Всеиндийские экзамены – вещь серьезная, их сдают сразу же по окончании школы. Есть и другие экзамены, они идут круглый год, и для юристов, и для военных, и для гребаных туалетных инспекторов, но всеиндийские – самые сливки, мой основной источник дохода. Они открывают двери в лучшие университеты, самое светлое будущее, самую легкую жизнь. У меня был весь комплекс всеиндийских экзаменов из пяти частей. Я предлагал обычные экзамены на хинди и английском, хотя их и так может сдать любой дебил. Но моя специализация – математика, экономика и финансы – экзамены, которые помогают сбежать из Индии. А вообще я сдавал любую комбинацию по требованию клиента – гуманитарные, естественные науки – без проблем, где угодно и когда угодно.

Если вы попали в тысячу лучших, ваше будущее обеспечено. Можно смело рассчитывать на особняк в Нью-Джерси, внедорожник «Шевроле» и детей-скрипачей, на чьи концерты вы все равно не будете ходить.

Портреты тех, кто попал в сотню лучших, лепили на здания школ, которые их воспитали. Учителя их выступали по ТВ, словно лично руководили успешной операцией по разделению сямских близнецов или арабо-израильскими переговорами о мире. А потом взвинчивали цены и выпускали собственные гребаные образовательные программы.

Десятка лучших? Эти моментально становились знаменитостями.

Но нужно тщательно выбирать клиентов. Если обманут и не заплатят, весь годовой доход псу под хвост.

Эти ребята, однако, явно были слишком жадными, а значит, их можно не бояться. Опасаться нужно тех, кто заводит разговор о традициях и дхарме, называет вас «бета»¹⁸ и несет прочее дерьмо. Вот от кого надо бежать. До сих пор с содроганием вспоминаю сына заместителя мэра. Как же на меня орали. Ужасно неприятно. Больше никаких политиков.

У меня была подробная анкета. Номер карточки социального страхования, уникальный идентификационный номер, доход, легальный и нелегальный, школьная успеваемость, лицо, которое может все это подтвердить. Я платил человеку из налоговой, чтобы он проверял данные. Все мои клиенты из среднего класса по мелочи нарушали закон. Взятки за разрешение на строительство, за то, чтобы детей приняли без экзаменов в частную школу, чиновникам – чтобы приписали детей к низшей касте (тогда можно пойти учиться по квоте) – словом, обычное мелкое жульничество, которое и сделало эту великую страну такой, какая она сейчас: так молоко с пестицидами обеспечивает детям стойкость характера и пожизненные поведенческие расстройства.

---

¹⁶ Бывшая столица средневекового государства Чандела (IX–XIII вв.), ныне объект Всемирного наследия ЮНЕСКО и популярная туристическая достопримечательность. Стены здешних храмов украшают эротические каменные скульптуры и рельефы.

¹⁷ Огромный подземный торговый комплекс в Дели.

¹⁸ Зд.: сынок (*хинди*).

Всем известно, что возвеличило Индию. В Китае правят коммунисты, Си дада¹⁹ и его подельники, у Европы есть пьютцы и художественные галереи, у Америки – сила, сиськи и деньги. А у нас демократия. Мы спорим, не переставая. Мы несем вздор восьми тысяч разновидностей, мы оскорбляем друг друга, мы добиваемся своего. Это страна сделок. Это страна переговоров. И пусть каждый кирпич обожжен лишь наполовину, каждое здание не отделано изнутри и держится скорее не на цементе, а на вере, однако мы его строим за полцены и вполнину быстрее, чем требовалось.

Мы подписали контракт. Я забрал стопку учебников парня. И меня выставили с черного хода. Я отправился домой, готовый потратить месяц на то, чтобы зарядить мозги и, питаюсь фастфудом, пробить дорогу к лучшей жизни себе и будущим поколениям Кумаров, которые будут ставить мне памятники и на молитвенных собраниях называть «покровителем нашего рода», человеком, заработавшим семейное состояние и покрывшим фамилию славой.

* * *

Вообще-то, чтобы объяснить, каким образом я превратился в растерянную, беспальцевую тушу, нужно вернуться в далекое прошлое и воскресить историю моего детства. Сколько себя помню, родители мои были бедны. Давным-давно ходили слухи (наверно, как в любой семье), что некогда мы были поэтами, или вели свой род от завоевателей-греков, или англичан, или русских – и что бедность наша – явление временное. Однако нет ничего более постоянного, чем временное.

Мы торговали чаем. Из поколения в поколение мы продавали это дивное ароматное растение, этот покоритель моголов и слуг, любому, кто...

Ну ладно, в конце концов, мы и правда стали торговать чаем, но начиналось все иначе. Отец мой строил дороги. Потом сорвал спину, ладони он сжег к чертям еще до моего рождения – скорее всего, по пьянке упал в чан с гудроном. Перчаток-то в Индии нет. Помню, как он заботливо прятал пальцы, когда подтыкал мне на ночь одеяло... Ну ладно, хорошо, он меня бил. Тыльной стороной кисти по губам – удар, прославивший Индию на весь мир. Но рука его, застывшая вывернутой клешней, с негнуцимися пальцами, сведенными мышцами, блестящей от шрамов кожей, усиливала удар, который причинял мне невообразимую боль, словно отец и не рукой бил, а специальным приспособлением, которое доставал, когда ему заблагорассудится.

Прекрасное начало для жизни, полной мучений.

Матери я не знал. Она умерла в родах. Мой отец за всю жизнь не сказал о ней доброго слова. Как-то раз я чем-то его достал – то ли потерял перец, то ли у меня молоко убежало, – и он сказал: «Дурак, весь в мать. У нее были коровьи глаза и длинные ресницы. А впрочем, чему я удивляюсь». Покупатели его рассмеялись, а он так мне врезал, что его рука разболелась еще больше, и он возненавидел меня еще сильнее.

Обычно чайным киоскам дают имена – «У Сингха» или «У Лалита», но наш не назывался никак. Я думал, что его все знают как «Киоск, хозяин которого ненавидит своего сына», ну знаешь, бхай²⁰, тот, у Кашмирских ворот...

Что еще? Я?

Нет смысла меня описывать. Я был мелкий, с большими карими глазами. Сейчас я покрупнее, и у меня все такие же большие карие глаза. В детстве я ходил в джинсах, которые до меня носили еще человек семь, так что штаны совершенно протерлись в паху, и пластмассовых шлепанцах: эти были мне настолько малы, что приходилось поджимать пальцы. Представили?

---

¹⁹ То есть «дядюшка Си». Так обратился к председателю КНР Си Цзиньпину один китайский мальчик в видеоролике.

²⁰ Брат (*хинди*).

Мы с отцом теснились в однокомнатной бетонной скорлупке: свернуть в переулок, потом в другой, потом еще в один, далеко от тех мест, которые западные гиды именуют «настоящей Индией» – с горами специй, женщинами в манговых сари, пахнущими благовониями и маслом для волос, мужчинами, которые ведут за собой упитанных важных коров; тех самых мест, где белые выходят из джипов с кондиционерами и *восторгаются* видами и звуками.

Эта Индия – моя Индия – пахнет дерьмом. Она пахнет протухшей страной, все мечты которой свернулись, слежались, точно прогорклый панир²¹. Она пахнет так, словно жители ее дурманят себя каннабисом, алкоголем и благовониями, и существуют лишь для того, чтобы обращать кукурузу, пшеницу и рис в младенцев и дерьмо. Пьешь, играешь в азартные игры, смотришь крикет, делаешь ставки – на деньги, которых у тебя нет, – линчуешь мусульман, lupишь детей, они вырастают, и все повторяется.

Каждое утро мы с папой ходили в храм. Этого у хромого старого *лунда*²² не отнять. Он всегда был очень религиозен – одно из единственного, что я потрудился унаследовать от него, и по сей день стараюсь ходить в храм при первой возможности.

Каждое утро он звонил в колокольчик у ворот храма (прочие родители сажали детей к себе на плечи, чтобы они позвонили, а мой?), и мы разувались, надеясь, что до нашего возвращения обувь никуда не денется. Папа бросал пайсу-другую²³ в ящик для пожертвований; даже тогда, еще до того, как в Индии появилась инфляция, «Макдоналдсы» и детишки с американским акцентом в торговых центрах, это были сущие гроши. Наскоро кланялся богине²⁴, которая с мрачным ликованием взирала, как ее тигры рвут в клочья демонов и людей, глазающих на ее сиськи. Я молился, чтобы отец меня больше не бил, а еще о деньгах и о том, чтобы сбежать. Папа просил успеха в чайной торговле, чтобы он не подцепил сифилис и чтобы его единственный сын не вырос полным придурком.

По крайней мере, мы просили чего-то реального, осязаемого. Все лучше, чем, как некоторые, каждый день тратить десятки миллионов рупий, молясь о том, чтобы дети выросли хорошими людьми, выступали на конференциях TED²⁵, были счастливы в браке и прочая ересь богатых.

А потом мы приступали к торговле. С первыми лучами зари. Рядом с менялами, что дурачат западных туристов у Кашмирских ворот. Мы катили свой чайный лоток, выцветший, с облупившейся краской, по узким улицам в ядовитом смоге, а вдали, точно призраки, вопили ночные сторожа, молочники, прачки – перешучивались, рекламировали свой товар, угрожали.

Тележку вез отец, прицепив к велосипеду. Он вытягивал ноги, когда колесо попадало в рытвину и летели брызги. Все его мышцы работали сообща, и от макушки до пят он казался одним большим механизмом, что превращает алкогольное топливо в деньги. Я трусил за ним по пятам, как бешеный пес за кулем мяса, поглядывал на тянущиеся над головой, переплетающиеся и расходящиеся провода, на самолеты, летящие в аэропорт. Когда мы наконец добрались до закрепленного за нами места, которое папа выторговал легкими уговорами и своими фирменными крепкими ударами, мне всегда приходилось соскабливать с подошв грязь, которая через миллионы лет спрессуется в нефть.

Мы были на самом краю старого Дели, где Средневековые сменяется настоящим. Мимо нас по дороге пролетали нетерпеливые усатые дядьки на мотоциклах, державшихся на скотче и молитвах. Женщины следили за своими сумочками и сжимали ключи, как нож, чтобы поцарапать любого мужчину, который осмелится подойти слишком близко. Рикши везли в школу

---

²¹ Панир – свежий сыр.

²² Хера (*хинди*).

²³ Пайса – разменная монета, сотая часть рупии.

²⁴ Дурга – богиня-воительница, сражающаяся с демонами, защитница богов и мирового порядка.

²⁵ TED – американский частный некоммерческий фонд, который проводит ежегодные конференции по технологиям, развлечениям и дизайну (англ. Technology, Entertainment and Design).

моих ровесников, по пять детишек на одного: в серой, синей, зеленой форме, сопливые, волосы зализаны маслом, в пластмассовых коробочках – завтрак, приготовленный любящими родителями, – чапати²⁶ и вегетарианский карри.

Это был их мир – Индия, что на сто лет опережала нашу. Я видел ее лишь мельком, дважды в день. Мне никогда не стать ее частью.

Мы принадлежали к самым низам среднего класса. У моего отца было свое дело, что правда, то правда, которое мне предстояло унаследовать. Мы не голодали, не были далитами²⁷ или бездомными, но и добиться чего-то большего нам было не суждено. Серьезные общественные движения обошли нас стороной. Независимость, социализм, капитализм – для нас все едино. Моя жизнь сводилась к тому, чтобы молотить специи для чая.

Даже сейчас, через десять лет после того последнего дня, когда я послал отца на хер, я до сих пор помню эту смесь. Три порции зеленого кардамона, три порции фенхеля, две порции гвоздики, две порции кассии, полпорции перца горошком, полпорции черного кардамона. Ваш покорный слуга молот их каждый день, каждый час, каждую плавающую мозг минуту, все свежее, на заказ. И не дай бог ошибиться. А то получишь понятно что.

Камень, которым я измельчал специи, был слишком велик для мальчишки – крупный, тяжелый, темно-серый, в тонюсеньких белых прожилках, испещрявших его, как целлюлит ляжки политика. Целыми днями, сгорбившись позади лотка, я растирал специи в пыль, так что к вечеру спину сводило от боли. Ночами мне снились кошмары, будто я превратился в горбуна, и тогда в кромешной темноте, пока не проснулся отец, я пытался выпрямиться, дотянуться ладошками и ступнями до Китая и Пакистана: так жители Запада на заре занимаются бикрам-йогой, чтобы избавиться от люмбаго.

– У нас никаких готовых специй, сэр! – выкрикивал мой отец. – Вон мой сопляк мелет все свежее. А ну, крысеныш, покажи джентльмену свои мышцы! Ха-ха!

Иногда в смесь – разумеется, ненароком – попадали и насекомые, щепотка грязи, капля слюны.

Моей ненависти хватило бы, чтобы превратить Индию в мирового лидера возобновляемой энергии.

– Горячий чай! Свежий чай! Чай с имбирем для больных! Чай с молоком для унылых! Гарам!²⁸ Гарам! Весь день, каждый день! – часами кричал папа, не умолкая, никогда не срывая голоса до хрипа. Когда торговля шла ходко, он пел песни из фильмов, хвалил богов, хвалил Индию, рассуждал о том, что Народная партия²⁹ обязательно проиграет выборы, что все наши крикетисты толстые и никчемные, словом, из кожи вон лез, чтобы заглушить миллионы своих конкурентов. Я представлял, что у каждого из них тоже есть ненавидящий сын, и однажды мы объединимся и перережем глотки нашим отцам, обагрим молоко буйволиц кровью и уьемся чаем отцеубийства.

Изо дня в день папа стоял за выцветшим медным котлом, пламя бунзеновской горелки согревало ему яйца, кипятило молоко, разбавленное водой – совсем чуть-чуть, чтобы никто не догадался. До сих пор не переношу ни запаха раскаленного жира, ни вида вздымающейся молочной пены. Раз в пять минут я передавал ему растолченные, размолотые, мерзкие специи. Аккуратно протягивал закрытую банку сахарного песка, слипшегося от влаги – шлеп-шлеп, *чего копаешься, ну вот, ты его уронил, теперь в него заползут муравьи!* – сукралозу для свежераздобревших богачей, чашки, кружки, бутылки, различные чайные смеси...

---

²⁶ Чапати – хлеб из пшеничной муки.

²⁷ Неприкасаемые – низшая каста в Индии.

²⁸ Гарам масала («гарам» на хинди значит горячий, «масала» – смесь) – смесь специй.

²⁹ Индийская народная партия («Бхаратия джаната парти») – партия правого спектра, одна из двух ведущих общенациональных партий Индии.

У нас их было шесть. К каждой банке была приклеена вырезанная из газеты картинка с богом или богиней, которые им покровительствовали. Одна сулила богатство, вторая – здоровье, третья – что ваши чресла произведут на свет множество сыновей, четвертая – любовь, ласки и внимание той пухленькой секретарши из приемной, которую вы решили трахнуть на стороне. Как вы уже догадались, содержимое в них насыпали из одного и того же горшка. В любовный чай мы добавляли чуть-чуть фальшивых лепестков розы, просто для цвета. И накручивали пятьдесят процентов. Пятнадцать рупий за чашку! Представляете? Грабеж среди бела дня! Никто никогда его не заказывал, но все же! А впрочем, лучше уж мы, лучше наш невинный обман, чем китайцы: они режут тигров, чтобы приготовить чай, повышающий потенцию не хуже виагры, и фермеров, чтобы украсть у них роговицу.

Каждый день с рассвета до заката я торчал за лотком. А ведь мог бродить по старому Дели, бегать по тенистым переулочкам и заброшенным хавели³⁰, толстые стены которых не способны были противостоять британским пушкам, мог воровать на базаре плесневелые книги, слушать, как сговариваются воры, грабители, хиджры³¹, узнавать мистические тайны из стихов иссушенных суфиев, делать ставки липкими рупиями на кошачьих, собачьих, петушиных, человеческих боях; я же вместо этого день-деньской молот специи и терпел побои.

Зато мои пальцы пахли ароматическими смесями, которые ныне встретишь во всех лучших домах: эти смеси еще обычно называют «Восточная фантазия» или «Этническое приключение». Хоть что-то.

Иногда мне перепал выходной. Не по случаю установленного правительством очередного мультикультурного праздника, а просто день, когда папа напивался и я не мог его добудиться. Приходилось расталкивать его изо всех сил – не пропускать же рабочий день потому лишь, что не сумел разбудить отца? Ведь тогда он тоже даст тебе изо всех сил.

В такие дни я ходил в школу. Там я узнавал о мире за пределами Дели. Я учился читать и писать. Я был послушным мальчиком. С головой уходил в книги. Хоть фотографируй на плакат для какого-нибудь благотворительного фонда: очередной кривоногий ребенок прочитал четыре страницы «Очень голодной гусеницы»³², и все его беды испарились, «он перенесся из своей несчастной жизни в мир фантазии».

Торговля шла хорошо, но я не знал, куда девались деньги. У меня отродясь не водилось ночного горшка, а у папы – тем более. Он предпочитал ссать на двери своих врагов и подпольных ростовщиков, или даже им в лицо: так он говорил вечерами, когда напивался и принимался хвастаться – сколько женщин он покорил в славной юности, сколько шей переломал!

По бабам он таскался регулярно. По дому же не делал ничего. Кто меня обстирывал? Где мы брали мыло? Еду? Я редко видел, чтобы отец готовил. Какую домохозяйку он обаял? Какая уличная девица отдавала нам свой ужин?

Где он родился? Не знаю.

Что из него вышло? Увидите.

Телевизора у нас не было. Даже у самой нищей семьи был хоть плохонький, черно-белый, но не у него. Только радио, которое орало, объявляя счет в крикетных матчах, чтобы он мог делать ставки. Тендулкар³³ удаляют с поля – Рамеша³⁴ бьют. Сехвага³⁵ удаляют с поля – Рамеша бьют. Дравида³⁶ никогда не удаляли. Он мне нравился.

---

³⁰ Хавели – особняки, в которых жили и торговали зажиточные купцы, преимущественно мусульмане, на территории современной северной Индии и Пакистана.

³¹ Хиджры – одна из каст неприкасаемых, «третий пол» (кастраты, трансгендеры, бисексуалы, гомосексуалы, интерсексуалы).

³² Детская книжка американского художника и писателя Эрика Карла (р. 1929).

³³ Сачин Рамеш Тендулкар (р. 1973) – выдающийся индийский крикетист, один из лучших бэтсменов в истории крикета.

³⁴ Садагопан Рамеш (р. 1975) – индийский крикетист.

³⁵ Вирендер Сехваг (р. 1978) – индийский крикетист.

Кухни тоже не было. Только маленькая газовая горелка, на которой отец, если на него находило вдохновение, готовил чапати – обычно это случалось, когда к нам приходила женщина.

Ютились мы в самой дешевой, самой дрянной комнатенке, которую ему удалось найти.

Стоял две тысячи пятый, но мы жили так, словно на дворе начало двадцатого века. В две тысячи пятом американцы в своих ипотечных флоридских квартирах драчили на Джессику Альбу, не догадываясь о том, что будущее за черными, желтыми и смуглыми. Даже в нескольких километрах от нас дебилы-подростки имели айподы и слушали «Блинк-182», а мы что делали?

Ничего. Денег у нас не водилось. Мы не голодали, нет, но... Разве же это жизнь. Ни одной праздной минуты. Все время чем-то занят: покупаешь чай, продаешь чай, дуешься, плачешь, мелешь специи и понимаешь, что никогда ничего не добьешься. Я ужасно боялся, что однажды в буквальном смысле превращусь в собственного отца: рука моя скрючится клешней, как у него, на груди вырастут темные волосы, как у него, глаза, лицо и мозги станут как у него. Может, и превратился бы. Сегодня я мог быть таким же нищим злым ничтожеством...

Но это история не о бедности. Это история о богатстве.

---

³⁶ Рахул Дравид (р. 1973) – индийский крикетист, один из лучших бэтсменов в истории крикета.

Два

На чем мы остановились? Ах да, я в очередной раз ввязался в ежегодную авантюру с экзаменами. Тогда я даже не подозревал, что новый клиент, Руди, изменит всю мою жизнь.

Вторая встреча с парнишкой прошла не лучше первой. Он разозлился, что я не принес пищу. Я разозлился, что так мало получу. (Миллион триста тысяч ганди – и я еще недоволен! Господи боже мой, да за эти деньги можно купить целую деревню бихарцев³⁷ – мужчин, женщин, мальчишек и девчонок, и распорядиться ими по своему усмотрению. Наверняка некоторые так и поступают.)

Десять лет назад я стал бы его репетитором. Мы бы вместе выросли, изучили достоинства и недостатки друг друга... и прочая западная чушь. Он бы хвастался мне успехами в учебе, и я ласково ерошил бы его волосы. Он дарил бы мне цветы и конфеты.

Теперь же я должен был выдать себя за него. Наверное, это и есть прогресс.

Начали мы с гардероба. Я схитрил, соврал родителям Руди, что важна каждая мелочь: «Неужели вы хотите, чтобы из-за неправильной одежды у него возникли проблемы на экзамене?» В конце концов родителям пришлось раскошелиться еще на несколько тысяч рупий – купить одежду и обувь. Никто и никогда не обращает внимания на одежду, но родители готовы поверить во что угодно. Каждая моя вещь – напоминание об успешно выполненной работе, об отпрыске, которого отправили в лучшую жизнь, об очередных жадных родителях, у которых я выманил пару-тройку драгоценных пайс. После объявления результатов семьи проникались ко мне такой благодарностью, что в следующие несколько дней можно было уговорить их выписать чек на любую сумму, а вот через недельку они снова принимались жаться – столько расходов, машина, дом, летняя практика в Google.

Рудракш. Руди. Как вам его описать? До денег, до костюмов Армани, до рекламных плакатов отбеливающего крема и диетологов, борющихся с его метеоризмом из-за колы и фаст-фуда?

Ничем не примечательное лицо. Очень североиндийское лицо. Уттар-Прадешское лицо. Лицо, каких в деревнях сотни миллионов. Лицо, которое никто не выберет в Тиндере. Лицо, из-за которого сговоренная невеста откажет после первой же встречи. Маслянистое лицо. Ладони, скорее всего, липкие; к счастью, я ни разу не пожал ему руку. Единственный спорт – настольный теннис. Бадминтон? Слишком сложно. После школы перекусывает уличной едой, в животе, яйцах и крови сплошь голгапа³⁸ и радж качори³⁹. Родители на Дивали дарят книги о правильном питании.

Волосы у него были длинные, жирные, нечесанные, словом, как у любого богатенького подростка, которому не хватает самоуважения. Если бы я по-прежнему носил парики, скопировать его прическу не составило бы труда. У меня их десятки, пятнадцать тысяч рупий штука, все разной длины, из настоящих волос, которые не знали ни мыла, ни шампуня. Я ни разу не спрашивал у продавца, настороженного мужчины из запущенной лавки в восточном Дели, где он их берет.

Но теперь перед экзаменами я особо и не стараюсь замаскироваться. Больше не переигрываю. Я заработал себе репутацию. Люди думают, что я притворяюсь, веду себя как кинозвезда. Коллеги-консультанты, завидев меня, раздражаются напыщенными монологами, точно из фильмов семидесятых годов.

---

³⁷ Жители штата Бихар.

³⁸ Голгапа (пани пури) – традиционное индийское блюдо, небольшие шарики из теста, обжаренные в масле. Внутри голгапы наливают бульон или кладут любую начинку.

³⁹ Радж качори – лепешки с начинкой (например, из фасоли).

Подростком Руди только и делал, что валял дурака. Дни напролет играл в компьютерные игры. Ночи напролет дробил. Спросите его, чему он учился, и он вздохнет. Тогда, до славы, денег и женщин, до того, как он стал Первым Мозгом Бхарата⁴⁰, Человеком, который знает все, Набобом учености, он был еще невыносимее, потому что тогда он был заурядным индийским пареньком из среднего класса, а они способны довести человека до самоубийства, один-единственный раз закатив глаза.

Сперва мне пришлось провести с Руди три дня, чтобы выяснить, что он знает.

Эти три дня стали пыткой. Мы листали учебники, которые он толком не открывал – на корешках ни трещинки, в тексте ни ожесточенных подчеркиваний, типичных для индийского школьника, ни чернил, расплывшихся от слез, ни жирных пятен от перекусов во время ночной зубрежки.

Раз в пять минут мне приходилось напоминать ему, что вообще-то нужно повнимательнее относиться к моим вопросам об учебе, об успеваемости, обо всем, чего я не знал.

– Твои родители платят за это хорошие деньги, – говорил я.

Пять лет назад эта фраза еще хоть как-то действовала на детей, но Руди только стонал и продолжал тупить в телефон, смотреть гифки и всякую хрень на Ютубе, отражавшуюся в залапанных стеклах его очков.

В углу его комнаты, у стенки темного шкафа, стояла гитара, к которой, похоже, никто никогда не прикасался. Такие шкафы есть в каждой делийской спальне, бедной ли, богатой: в них обычно висят старые шали, траченные молью подвенечные платья, старомодные шальвар-камизы⁴¹ и твердые чемоданы образца тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, которые рука не поднимается выбросить, потому что, сколько ни имей денег, а история Индии учит, что в любую минуту может случиться жопа и вам придется бежать. А может, мы просто жлобы. Не знаю.

На полках высились пыльные стопки западных дисков, наверное, это дерьмо кто-то из родственников привез из Канады, когда это еще считалось крутым: можно похвастаться перед соседями, как вам славно жилось в *Ам'рике*. Социальных сетей тогда еще не было, теперь-то мы все в режиме реального времени видим, какие американцы на самом деле тупые.

Руди обильно потел и только и делал, что отвечал на вопросы. На груди у него темнело пятно. Вентилятор, вращающийся над нами с такой скоростью, что сунься – и лопасть отрубит тебе голову, не спасал, только гонял воздух. Новенький кондиционер покоился на полу: его еще не установили – наверняка из-за очередной мутной забастовки.

– Слышь, чувак, – говорил он, когда я слишком доставал его вопросами или не скрывал раздражения. – Хватит, задолбал. Думаешь, это очень легко? Дай отдохнуть маленько.

Задолбал? Чувак? Где уважение к старшим? Пусть я старше всего на пять лет, но все же. Мне двадцать четыре, и я заслуживаю уважения. До чего испортились нравы с появлением смартфонов.

И он продолжал ковыряться в носу, бормотать, смотреть клипы на Ютубе и девушек в Инстаграме, которые, по его мнению, выглядели чересчур откровенно.

– Ты только посмотри на нее, – с ужасом и восторгом говаривал он, отыскав фотку подруги одной подруги, которая, сложив губы уточкой, позировала где-нибудь на пляже в Таиланде. – Ну и бесстыдница!

Было ясно как день, что он никогда не прикасался к женщине – даже ни разу не разговаривал.

---

⁴⁰ Бхарат – официальное название Индии на языке хинди.

⁴¹ Шальвар-камизы – традиционный индийский костюм, состоящий из брюк (шальвары) и рубахи (камиз). Бывает как женский, так и мужской.

Постепенно стала вырисовываться гора работы размером с Ханумана⁴². Мелкий говнюк вообще не занимался. Не смог ответить мне ни на один вопрос; толку от него не было никакого.

Родители говорили, мол, «мальчик хороший, ему просто нужно помочь» – ложь в духе «британцы хотят основать одну-единственную факторию». У этого придурка совсем не было мозгов, полный олух, или как там индийские родители в фильмах ругают детей. Только и делал, что валял дурака, слушал «Нирвану» и всякое эмо; подсесть на марксизм или марихуану, как сделал бы на его месте любой уважающий себя подросток, ему не хватало смелости. Никогда меня еще так не тянуло врезать клиенту.

Лучше бы я занялся йогой. Нес бы мистическую чушь о чакрах, арендовал комнаты где-нибудь на ферме неподалеку от Дели, нанял секретаршу, запиллил умеренно-дерьмовый сайт в стиле девяностых, чтобы разводить лохов, которые купятся на мою несовременность и простоту, – и готово дело. Белые осыпали бы меня деньгами! Их пробирает понос? Впариваешь им, что это часть просветления и избавления от эго.

В общем, три дня спустя работа закипела. Я взялся за учебу. У меня оставался месяц на подготовку. Достаточно.

Я с головой ушел в учебники, как всегда. Часы пролетали незаметно. Я запоминал все, что читал, словно выжигал на сетчатке, как хозяин – клеймо на корове.

Дома ложился отдохнуть под вентилятором, который гнал мне в лицо струи пыли и сернистого газа, спал без сновидений три часа, и продолжал заниматься, подкрепляясь кофе, колой и алу паратха⁴³, на которые я накладывал оглушительно-острый ачар⁴⁴ из уличных киосков.

Я вел бесконечную битву с плесенью и облезающей краской. Я сам наводил порядок – пусть я средней руки бизнесмен, который своим умом добился успеха, это еще не значит, что я готов позабыть о скромности и нанять уборщицу. Стандартный индийский пол – крапчатый камень – собирал пыль так, словно она вот-вот выйдет из моды. Вытяжка в ванной сломалась, так что запах сырости и гнили в квартире мешался с духом моего дешевого дезодоранта и термоядерной отбеливающей зубной пасты.

Во сне я грезил о деньгах и о том, как ими распоряджусь. Кебабы. Роскошный ужин в «Моти Махале»⁴⁵. Чтобы все сочилось маслом ги. Кондиционер. Новый мопед. Свидания. Шикануть в каком-нибудь ресторанчике в Коннот-Плейсе⁴⁶, чтобы в итоге так и не суметь стащить практичные синтетические трусики с девушки – младшего менеджера по работе с клиентами из международной компании.

Я копил деньги. Как идиот-отличник, сразу клал их в банк. На что копил? Мог бы зарабатывать состояние на строительстве, китайской промышленности или биткоинах. Сумит говорил: «Видимо, у тебя просто нет к этому способности. Она вообще мало у кого есть».

Что поделаешь. Я соблюдаю законы. Я осторожен. Я планирую будущее. По крайней мере, раньше планировал.

Моя жизнь не ограничивалась работой.

Я каждый день ходил в храм. Сила привычки, память о побоях. Обязательно жертвовал двадцать рупий – немного, но у меня не было корыстных целей и непристойных желаний, так что, считай, я жертвовал в десять раз больше. В вагоне метро до центра Дели мужчины плавали

---

⁴² Хануман – чтимое в индуизме обезьяноподобное божество.

⁴³ Алу паратха – картофельная лепешка.

⁴⁴ Ачар – мелко нарезанные овощи в маринаде со специями.

⁴⁵ Крупная сеть ресторанов в Индии и других странах мира.

⁴⁶ Один из основных финансовых, торговых и деловых центров в Нью-Дели. Здесь располагаются штаб-квартиры ведущих фирм.

в собственном поту, точно шарики теста в дахи бхалла⁴⁷, и отчаянно пожирали глазами надушенных девиц даже в пять часов утра, когда, казалось бы, стряпня жены должна ограждать их от подобных помыслов.

В гурдвару⁴⁸ я тоже ходил. Точнее, заглядывал, как сказали бы англичане, когда позднерассветное солнце играло на золотом куполе Бангла Сахиб⁴⁹ и нечем было дышать от запаха ги и кориандра: ворчливые сардарджи⁵⁰, обливаясь потом от натуги, готовили дал⁵¹, гоби⁵² и чапати на десять тысяч человек.

Потом, если было настроение, я ехал на метро в старый Дели. Проходил мимо рынка Кабутар, где продавали разноцветных волнистых попугайчиков. Клетки громоздились одна на другую, попугайчики гадили друг другу на головы. Кто их покупал, куда они девались – понятия не имею. Разумеется, торговали там не только птицами. Коровы, козы, нескончаемые ряды мотоциклетных шлемов, обернутых для сохранности в полиэтилен, десятки лавчонок с одинаковыми китайскими чемоданами, древесной корой, янтарем, микстурами и мазями из Средней Азии, способными излечить любой недуг. В переулках маячили девицы, манившие вас на разорение и погибель. В общем, место мало чем отличалось от любого торгового центра.

Я недолго бродил по рынку, смотрел, как туристы из Австралии у всех на виду пересчитывают деньги – можете себе представить? – а потом шел в церковь, ту, что неподалеку от Чандни-Чоук⁵³, самое тихое место во всем Дели. Почти все христиане отсюда давным-давно сбежали, осознав, что на Западе их дискриминируют куда меньше. Остались лишь старики, удалившийся от дел морщинистый священник, витающий вокруг него запах плесени, монахиня с ветхими четками и в очках с толстыми стеклами, похожая на мою давнюю знакомую, в общем, христианский рай, в котором остались лишь дряблые мышцы и дряхлые кости.

Раз в неделю я захаживал даже в Джама-Масджид⁵⁴. Консультантам по образованию не помешает заручиться поддержкой всех высших сил, каких только можно. Не в пятницу, когда из этого места возносили к Аллаху двадцать тысяч воплей – жалоб на сыновей и дочерей, испорченных современностью, и на то, что еще придумают эти шафрановые⁵⁵ (то есть молодые люди, преданно служившие нашему прославившемуся на весь мир правительству): то ли устроят погром, то ли стерилизуют всех, кто под руку подвернется, то ли линчуют мусульман, которые, как им кажется, пытаются совратить их невинных дочурок посредством любовного джихада. Лучше бывать здесь в понедельник или вторник, когда группки мужчин с голодными глазами умолкают, если ты проходишь в десяти шагах от них.

Я здоровался с моим любимым попрошайкой, Рамом, который сидел, не шевеля ни руками, ни ногами, у больницы Кастурба. Кидал ему купюру любого достоинства, и он говорил красивым грудным голосом, словно видел меня впервые: «Молодой человек, вы далеко пойдете! Я и сам был таким, когда летал на истребителях в войну семьдесят первого года»⁵⁶, – и рассказывал длинную историю о том, как он обгонял пакистанцев на их американских F-104⁵⁷, после чего я давал ему еще немного денег, хотя и знал, что все его рассказы – полная туфта.

⁴⁷ Дахи бхалла – обжаренное во фритюре тесто, поданное в йогурте.

⁴⁸ Гурдвара – сикхский храм.

⁴⁹ Знаменитая сикхская гурдвара в Дели.

⁵⁰ Самоназвание сикхов.

⁵¹ Дал – традиционный индийский суп-пюре из бобовых.

⁵² Алу гоби – вегетарианское индийское блюдо из картофеля и цветной капусты со специями.

⁵³ Чандни-Чоук – один из старейших рынков Дели.

⁵⁴ Соборная мечеть в старом Дели.

⁵⁵ Индийские националисты.

⁵⁶ Третья индо-пакистанская война – вооруженный конфликт, произошедший в декабре 1971 года из-за вмешательства Индии в гражданскую войну в восточном Пакистане.

⁵⁷ Локхид F-104 «Старфайтер» – одно- или двухместный американский истребитель.

Разумеется, подавал я вовсе не из бескорыстия и человеколюбия. Он был мне нужен. Я утратил хватку обитателя старого Дели. И теперь, когда я выбился в средний класс, мне требовались уличные соглядатаи. Таким вот образом я старался поддерживать связь с реальностью, чтобы крепко стоять на ногах. Дом есть дом, а я такой, какой я есть.

– Что нового? – спрашивал я, и его хитрые глазки обводили улицу, подмечали серебряное шитье на чадре молоденькой домохозяйки, чуть тронутую снизу ржавчиной раму велосипеда торговца кокосами, игру света на лицах прохожих.

– Да ни хрена, – отвечал он.

Но я все равно не отказывался от его услуг – так, ради приличия. Вдруг однажды понадобятся.

Потом его обступала уличная ребятня и кружила, раскинув руки в стороны. Сопливые самолетики дергали меня за штанины, мол, дай денег, я кидал им монетку-другую и следил, чтобы не дрались.

Потом завтрак – пирожок с бараниной в кафе – и домой, чтобы просидеть за учебниками еще восемнадцать часов.

* * *

Старый Дели кажется настоящим, чего не скажешь о Нью-Дели. Он спокойный, укромный, докапиталистический. Но только с виду. Дели – это восемь разных городов⁵⁸ (в зависимости от того, кого вы спрашиваете) – каждое новое здание-победитель попирает останки предшественника; или два – богатый и бедный, как говорят уроженцы Запада; или один, где все мы теснимся задница к заднице; или тридцать миллионов, считая обитателей подземных переходов, жертв голода в Бихаре, которого, если верить правительству, не было вовсе.

Как по мне, Дели вовсе не существует – ни бедного, ни богатого, ни старого, ни нового, ни могольского, ни британского, ни индийского: деньги приходят, деньги уходят, строят дома, роют метро, пальцы есть, пальцев нет. Это мираж. Множество улиц, кварталов, этнических анклавов, которые совершенно случайно оказались рядом.

Рынки. Кафе. Чандни, мать его, Чоук. Нельзя сказать, что все это места моего детства. Я их видел, только когда выбирался из-за чайного лотка. Раньше у меня просто не было свободного времени. Встаешь, идешь в храм, выносишь лоток, делаешь чай, слушаешь, как покупатели клянут очередь, лишний вес, супругов, детей, потом идешь домой, ложишься спать. В свободный день, благословенный свободный день, может, сходишь в школу, собак погоняешь, пожалеешь себя. Вот и вся моя жизнь.

И все из-за чая.

Терпеть его не могу. У меня от него раскалывается голова и колотится сердце, как у живущего в Америке подростка-индуса, чьи родители узнали, что он встречается с чернокожей. Поэтому мне так трудно проводить время с товарищами по нашей прекрасной профессии. Они пьют только чай. Хлюпают, сплевывают, хлебают его так быстро, точно соревнуются друг с другом. Не то чтобы с ними было о чем говорить, с этими детьми сукиных детей, но они, как никто другой, умеют раздобыть экзаменационные билеты, и если повезет, расскажут: какого полицейского обходить стороной, в каком экзаменационном центре идет кампания против коррупции. Одно из тонких мест в земной коре, где извергается жар со дна общества.

Поэтому время от времени я отваживался заглянуть сюда, в чайную в лабиринтах переулков за Каркардумой⁵⁹, где собирались все бывшие учителя мира, сбежавшие от позора.

---

⁵⁸ На месте современного Дели действительно было семь или восемь исторических городов.

⁵⁹ Район в восточном Дели.

Восточный Дели – серая клякса на гугл-картах, с маленькими выгоревшими от солнца парками, где все фонтаны пересохла еще в девяносто четвертом, а в крикет играют не по правилам белых; да и в реальности это место выглядит не лучше.

Восточный Дели – самое грязное место в мире, как скажет вам «Нью-Йорк Таймс» или ВОЗ, такое грязное, что их хиленькие трехзначные приборчики зашкаливают и выходят из строя. С загрязнением я еще могу смириться. А вот от вони специй и кипящего коровьего молока – запахов моего детства – я зажимаю нос, но все равно торгуюсь и веду дела.

Восточный Дели – место, которое я зову домом.

Дайте-ка я опишу человека, которого знал лучше всех, пусть даже и потому, что рассчитывал однажды его обойти.

Сумит был из тех, с кем следовало держать ухо востро. Акула. Тонкие, острые, как бритва, скулы, голодные глаза, делец, будущий король мира – такие есть за каждым чайным лотком, в каждой задней комнате каждой индийской лавчонки.

Сперва в нос бил парфюм. Как будто грейпфрут забыли на солнце, он подгнил и побурел.

– Так и заказываешь парики, а, Рамеш? – смеялся он каждый раз, завидев меня.

В тот день я рискнул задать кое-какие вопросы о проектах новых мер по обеспечению безопасности государственных экзаменов, чтобы знать, что к чему в стремительно меняющемся мире образовательной имперсонации. Западные профессионалы собираются на выездных семинарах. Я ходил к Сумиту.

– А, Рамеш? – сказал очередной *чамча*⁶⁰ из свиты Сумита. Они носили майки без рукавов, как их господин и повелитель. Перед ними всегда стояли большие прозрачные бутылки с креатином⁶¹ или еще какой-нибудь западной бурдой. Видел я селфи Сумита. Качает мышцы в спортзале с зеркалами от пола до потолка, устроенном в подвале частного дома в Вайшали⁶², где только и разговоров что о тренировках актеров «Марвел» и добавках для роста волос. В социальных сетях – селфи с тренировок и дурацкие фразы: «Провалил планирование – планируй провал», «Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага» и прочая бредятина, которую несешь, когда тебе исполняется сорок и девушки начинают звать тебя «дядей».

А еще от них всех несло этим чертовым парфюмом, как от гигантского надушенного облака, края которого вдобавок смазаны гелем для волос.

Сумит заметил, что я принохиваюсь.

– «Пако Рабан». Хочешь купить? – спросил он, и в ладонь ему, словно из ниоткуда, тут же вложили флакончик.

Я закатил глаза.

– Дела идут хорошо, брат? – допытывался он. – Переходи работать ко мне, Рамеш.

– Это еще зачем? У тебя проблемы? Тебе понадобился управленец? Поддельный парфюм приносит мало денег?

– Ха! Рамеш, Рамеш, Рамеш, все бы тебе шутить.

Сумит, как всегда, был чрезвычайно горд собой. Лучился самодовольством. Он точно знал, кого подмазать, какой заминспектора не станет задавать вопросов, какой чиновник-должник выдаст учебный план, к какому экзаменатору лучше обратиться. Он мошенничал на экзаменах по вождению, на вступительных экзаменах, на собеседованиях. Дальше, наверное, начнет подделывать профили в Тиндере для всех не склонных к романтике жителей Дели, Ромео с мопедами, недотраханых мужиков с масляными волосами, кучкующихся в каждой кофейне и на каждом уличном рынке.

---

⁶⁰ Подлипала (*хинди*).

⁶¹ Креатин моногидрат – спортивная добавка.

⁶² Округ в центральной части штата Бихар.

Он собирал своих подлипал из числа тех, кто завалил государственные экзамены, на которых десять тысяч человек боролись за одно чиновничье место в управлении коммунального хозяйства, или должность билетного контролера, или чистильщика сети канализации, и попал в наш мир. Они были умны, но один из десяти тысяч? Теперь они сдавали экзамены за восемнадцатилетних, такие, что ночью разбуди – ответят.

Все они подражали Сумиту – внешне, ожидая, что и внутреннее приложится: так наше правительство строит синкансэн⁶³, рассчитывая, что мы превратимся в Японию.

Звонил телефон, и Сумит говорил слишком громко: «Всего двадцать тысяч, дядя? Я обычно работаю с партиями покрупнее», – и все, присвистнув, дивились его сноровке и его импортным сигаретам.

А он продолжал забрасывать меня оскорблениями:

– Никогда не понимал, Рамеш, как ты ведешь свой маленький бизнес. Ты же застрял в прошлом. У тебя хотя бы Твиттер есть? Подписывайся на меня, будешь влегкую зарабатывать пятьдесят тысяч в месяц.

– Пятьдесят тысяч! – повторял кто-нибудь из его шестерок.

Меня это бахвальство начинало раздражать.

– Пятьдесят тысяч, ха! Эти уроды из Грин-Парка заплатят мне миллион триста тысяч. Съел? Так что возьми обратно свои шутки о париках и засунь в свою сраную жопу.

– У меня есть знакомые со связями. И с деньгами. Они способны по щелчку пальцев разрушить всю твою жизнь. – Сумит примолк, чтобы не начать читать проповедь, точно из пиратской копии книжки об осознанности.

– Сумит, мою жизнь может разрушить даже торговец кебабами – достаточно одного-единственного тухлого галути⁶⁴ из баранины. У меня *тысячи* таких знакомых.

– Я вообще-то стараюсь быть вежливым, – ответил Сумит.

– Не нужна мне твоя вежливость. Интересно, каково это – торговать поддельными правами по тридцать тысяч рупий? Тебе нравится командовать своими шестерками?

Подлипала поморщился. Впился маленькими глазками в Сумитовы часы «Касио», в его джинсы и «Самсунг». И начал мечтать. Большая ошибка. Представьте, что вас окружает столько отчаявшихся людей. Паршивая схема для ведения бизнеса.

– Сколько за последний год у тебя было клиентов? Два. А в следующем сколько будет? Тоже два. У тебя нет амбиций, Рамеш. Ты из года в год делаешь одно и то же. Так и останешься мелочью, сколько ни зарабатывай. Тебе бог дал такие мозги, и как ты ими распорядился?

– Миллион триста тысяч ганди. Куда больше, чем ты заработаешь на подделке продуктовых карточек⁶⁵. Вообще-то, – добавил я, напуская на себя деловой тон, – я пришел спросить про новые проверки безопасности, о которых поговаривает правительство. Скажи мне, чего ожидать, о великий и могучий помощник заместителя министра среди знающих.

– Только такой дурак, как ты, принимает правительство всерьез, Рамеш-бхай. Проверки безопасности? Думаешь, у них есть время этим заниматься?

Мы еще чуть-чуть попрепирались, пытаясь вытянуть друг у друга информацию, как-то договориться. Единственный доступный нам способ общения.

Таких, как мы, сотни тысяч – молодых и беззаботных, старых и сломленных, которые пытаются заработать, торгуются не на жизнь, а на смерть, бьют исподтишка, обманывают – в любой из десяти тысяч чайных восточного Дели.

---

⁶³ Синкансэн – сеть высокоскоростных железных дорог.

⁶⁴ Галути – разновидность кебаба. Мясо для галути (на хинди это значит «нежный») сначала маринуют, потом перемалывают в мелкий фарш.

⁶⁵ В 2013 году правительство Индии утвердило программу обеспечения малоимущих семей продуктами питания по карточной системе.

Глупый юный Сумит. Думал, обзавестись сотнями клиентов – гениальный ход. Думал, путаться с гангстерами и *гундами*⁶⁶ очень умно. Но я-то прекрасно понимал: чем больше клиентов, тем больше проблем. Чем больше вокруг тебя молодых голодных ребят, тем больше неприятностей. Я ни от кого не зависел, я был первоклассным специалистом, и моя жизнь меня совершенно устраивала.

Понятия не имею, почему я не уехал из Дели. Постоянно я плачусь, как здесь тяжело – жуткая жара, ужасные пробки, – и даже не попытался ничего сделать. Так что я должен быть благодарен Руди за то, что он наконец-то это изменил.

Дели не шафран. Дели не специи. Дели – это пот.

Ем. Работаю. Когда устаю, ворчу. Так проходили мои дни, когда у меня еще были все пальцы, – до того, как мы с Руди в одночасье разбогатели, до того, как меня возненавидели каждые домохозяйка и домохозяин в радиусе двух тысяч миль.

Я вкалывал до самого дня экзаменов. Вкалывал, как все индийские родители в семидесятые (по их же словам), когда в телевизоре был один-единственный канал и до школы шли пять часов, стараясь не нарваться на мины и педофилов, когда не было снежинок и миллениалов, которые тусуются в групповом вотсаповском чате собственного воображения.

Каждый день я питался фастфудом – покупал на улице чана⁶⁷, бхел пури⁶⁸ и голгапы – и не поправился ни на унцию. Я рассуждал в кафе о политике, расширении метро, пробках, попрошайках из Бихара, экзаменационных вопросах и, разумеется, загрязнении окружающей среды. А о чем еще говорить? Даже крикет столько не обсуждают. Надо мной посмеивались из-за париков, кривлянья и моих изнеженных белых клиентов.

Я слушал песни из фильмов – о луне, звездах, судьбе, а ночью заказывал на «Алибабе» поддельные «ливайсы» за полторы тысячи рупий. Хватит с меня синтетического дерьма моей юности! Хватит с меня поношенных футболок с «Барселоной» от какого-нибудь избалованного английского или испанского подростка! Теперь-то я был уверен, что мои вещи шьют на той же фабрике в Чунцине, на той самой!

А потом я сдал экзамен, и вся моя жизнь изменилась.

---

⁶⁶ Гунда – наемный бандит (*хинди*).

⁶⁷ Чана масала – блюдо из нута, тушенного в пряном соусе.

⁶⁸ Бхел пури – блюдо из риса и овощей в тамариндовом соусе.

Три

Я снова увиделся с парнишкой через неделю после предыдущей встречи, чтобы уточнить кое-какие тонкости, и на этот раз родители зажали меня в угол. Их одолели сомнения.

– Дело вот в чем, – начал мистер Саксена и осекся. Почесал безволосый подбородок, чтобы молчание казалось многозначительным, а не жалким.

– Боже мой, да говори уже, Вишал, – жена пошевелилась, и на меня повеяло ее духами – дорогой аромат, роза и жасмин. Она скрестила руки на груди, дожидаясь, пока муж исполнит предписанный обществом долг и набросится на меня.

Губы у него были толстые, как у голливудского пластического хирурга. Глаза хитрые, красные, как у моего отца, но без желтизны.

– Ну, в общем, Рудра... то есть Руди, да, извини, так вот он считает, что вы не стоите этих денег. Нам кажется, что мы платим... гм, да, дорогая, я сейчас перейду к...

Тут я его перебил.

– Сэр, – проникновенно произнес я, тщательно выговаривая каждую букву и особенно упирая на раскатистое «р», – сэр, вы знали, что делали, когда обратились ко мне. Вы человек со вкусом и пониманием. – Я его разоружил, как Пакистан после войны. – Мне о вас рассказало семейство Шарма. Помните таких? Их сын теперь в Нью-Йорке. Благодаря мне.

Решимость Вишала Саксены рассыпалась в прах. В его взгляде читались мечты о Манхэттене. Хот-доги, Таймс-сквер, Гордон Гекко⁶⁹, женщины с увеличенной грудью и восстановленными девственными плевами. Миссис Саксена заворчала.

– Я знаю, что делаю, – продолжал я. – Я так же строг с ним, как с вами были строги ваши родители, – и посмотрите, каким вы стали. Прекрасный дом. Очаровательная жена. Я использую лишь испытанные, проверенные методы. Вы заплатили разумную цену.

Я мог бы продолжать долго. Расхваливать их интерьеры. Альбомы фотографий и репродукций на журнальном столике. Резные барельефы, точно на стенах средневековых храмов. Трепаться о том, как им пришлось для этого потрудиться. Как наши дети становятся все слабее: где уж им тягаться с китайцами. Как они сами наверняка ползли в школу несколько дней подряд, пока не отнимутся руки-ноги, как их жестоко лупили, а они в ответ не позволяли себе даже пикнуть, не то что нынешние дети. Но я и так сказал достаточно.

Муж сдулся. Миссис Саксена задрожала, гром перед дождем, ого, как смотрит, узнаю этот взгляд.

– Вы купили «хёндэ»? К вам *надолго* приехала теща? Вас *лишили премии*?

– Черт подери, Вишал, – вмешалась она.

– Намита, он говорит, что это очень выгодно...

– Но Руди сказал...

И они заспорили о карьере и выборе жизненного пути, припомнили и тот случай, когда кто-то с кем-то переспал. Как ты мог, Вишал? Ради бога, Намита, это же был один-единственный раз, ты ведешь себя как настоя...

Я незаметно юркнул в комнату к парню.

– А, это ты, – сказал он. Неумытый, кожа тусклая от жира. – Они тебя уже выперли?

– Не спеши, жирдяй, – ответил я.

Он воздухом поперхнулся.

И заморгал, глядя на меня стеклянными глазами. Мы, индусы, самые озабоченные люди во всем интернете, как можно догадаться по комментариям к любому видеоролику. Мы липнем к женщинам, мы напрашиваемся на внимание, мы даже у нимфы с фрески шестнадцатого века

⁶⁹ Гордон Гекко – персонаж фильма «Уолл-стрит» в исполнении Майкла Дугласа.

попросили бы телефончик. Может, мы навязчивы. А может, я несправедлив к парню: такое со мной частенько бывает.

А может – ну, может же? – мы просто понимаем, что нам отчаянно нужно, чтобы наша сперма очутилась в ожидающих матках наших женщин, чтобы мы обошли по рождаемости китайцев, задавили их числом, потому что, да поможет нам бог, никак иначе нам их не победить, а этот слабак растрчивает свои патриотические соки на салфетки и унитазы. Мерзость.

– Давай договоримся, Руди, – сказал я; в последующие годы я так часто повторял ему эту фразу, что сбился со счета. – Я сдам за тебя экзамен, и твои родители заплатят мне, сколько должны. Понятно? И хватит ныть.

Мои родители, бабушки с дедушками и все предки вплоть до самых древних – ну, может, не шпионы и не греки, – были милосердны и кротки, и посмотрите, до чего это их довело. А я получил кое-какое образование и намерен этим воспользоваться.

– Блин, извини, чувак, – помолчав немного, сказал он. Не глядя мне в глаза. Ох уж эти современные детки. – Но ты тоже кончай меня дрючить.

– Сдавать экзамен буду я.

– Круто, – ответил он и добавил много чего – о детстве, о СДВГ, о том, как его травили в школе, какие его родители нарциссы: в общем, грустно, конечно. Но мне были нужны деньги, ну, может, еще джинсы и жена, рано или поздно.

Я помирился с ним. Пообещал, мол, ответишь на мои вопросы о том, что именно тебе рассказывали учителя о голландской болезни⁷⁰ и провалах рынка – и больше никогда меня не увидишь.

* * *

И вот настал день первого экзамена. Жарче погребального костра. Я взмок сильнее, чем в купе третьего класса. В такие дни всерьез подозреваешь, что все пламя ада изверглось на Дели.

По пути на экзамен я проходил мимо кирпичных домов, вечно обклеенных предвыборными плакатами, словно выборы растянулись на год. Проходил мимо парочек в парке, прячущихся под куртками, чтобы неприлично целоваться с языком, как *фиранги*⁷¹, которых они видели в западных фильмах.

Здание представляло собой уродливую социалистическую постройку шестидесятых годов, когда Борлоуг⁷² избавил нас от голода и в Индии еще были пятилетки⁷³. Меня окружали потные, перепуганные юнцы, на несколько лет младше меня, во взгляде – не только страх перед экзаменами, предсмертные записки родителям, мол, вам на меня было плевать, но и мечты об успехе, невообразимом богатстве, чужих краях, где круглый год дожди, все едят вареные овощи и можно постепенно перестать звонить родным и забыть об их существовании.

На входе никого не проверяли. Вообще. Как и говорил Сумит. Зря я ходил к нему, выслушивал оскорбления. Каждый охранник и чиновник поворачивал голову и снова возвращался к Фейсбуку – рассматривал странички тех, кто травил его в школе. Никто даже не взглянул на мой поддельный экзаменационный билет, на парня по имени Рудраکش Саксена с моим лицом. Зачем лишний раз усложнять себе жизнь.

Помню свой первый Всеиндийский экзамен.

---

⁷⁰ Голландская болезнь («эффект Гронингена») – негативный эффект, оказываемый укреплением реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в определенном экономическом секторе.

⁷¹ Фиранги – европейцы, иностранцы (*хинди*).

⁷² Норман Эрнест Борлоуг (1914–2009) – американский агроном и селекционер, «отец Зеленой революции». Вывел множество высокоурожайных, устойчивых к полеганию сортов пшеницы.

⁷³ Пятилетние планы экономического развития существовали в Индии с 1947 по 2017 г.

Как же мне было страшно в тот первый раз.

Теперь? Теперь просто скучно.

Экзамен начался легко.

Детишки вокруг меня шмыгали носами, пряча слезы, – жертвы зубрежки и тяжелой родительской доли. Все их мечты псу под хвост, годы упорной работы пойдут прахом.

А у меня был всего один месяц.

И чего я добился!

Пиздюшонок Руди собирался поступать на экономиста, и знания в моей голове теснились сильнее, чем семья с тремя детьми на одном мопеде: годовая программа графиков, уравнений, кривых, исчислений и функций спроса.

В первый день подготовки я заставил микроэкономику служить мне. На второй – велел расступиться водам⁷⁴ счетов домашних хозяйств⁷⁵. На шестой день велел уравнению Блэка – Шоулза⁷⁶ плясать предо мною и отдал кривую доходности⁷⁷ на посмеяние народам⁷⁸.

Первой я сдавал математику. Полтора часа вопросов с готовыми вариантами ответов. Дети вокруг меня плакали навзрыд – понимали, что им крышка. Я и ухом не повел. Я обеспечу парню будущее. И получу деньги.

Потом день за днем сдавал оставшиеся экзамены. Американцы сдают свой жалкий SAT⁷⁹ за один день. В Индии лучше. Пять дней – пять экзаменов, пусть дети поймут, что жизнь – неумолимая вереница ужасов.

Я сдал последний, экономику, и забыл об экзаменах до следующего года и нового клиента. Через месяц Саксены узнают общие результаты. Ни проблем, ни волнений.

Я и не думал, что сдам так хорошо. В первую тысячу попаду, это ясно. Руди будет всем хвастать, что специально учился плохо, дабы не привлекать к себе внимания. Вполне в его духе: он был мастер выдумывать небылицы и нести чушь – до того, как ему вломили по первое число.

После экзамена я вышел в коридор, посмотрел на детишек вокруг меня: одни валялись на полу, другие обнимались с колоннами, как родственники жертв железнодорожной катастрофы. Меня все это уже не интересовало. Через месяц будут результаты. Через месяц придут деньги. Через месяц я смогу переключиться на другую работу.

* * *

День, когда моя жизнь изменилась, начался как обычно. Я держался спокойно, ни с кем особо не откровенничал. Сумит слал в ватсапе шутки про парики, но я понимал, что его задело. У него по пятнадцать учеников зараз, так что приходится нанимать для сдачи экзаменов кого-нибудь из типичной его мешанины наркоманов, ребят, которых выгнали из школы, парней, которые сбежали из дома, от нищеты, договорного рабства и приставаний, и не сумели найти иной постоянной работы, кроме как у этого мошенника. Сумит не упускал ни единого шанса, хватался за любые задачи. Помогал детям политиков и гангстеров, сулил им золотые горы. И если хотя бы один из них завалит экзамен, этот *камина*⁸⁰ окажется по уши в дерьме.

---

⁷⁴ Аллюзия на Исх. 14:21 – «...И простер Моисей руку свою на море, ...и расступились воды».

⁷⁵ Счета домашних хозяйств – данные о располагаемых доходах, расходах, сбережениях, долгах и финансовых активах домашних хозяйств.

⁷⁶ Модель ценообразования опционов Блэка – Шоулза определяет теоретическую цену на европейские опционы.

⁷⁷ Зависимость доходности однородных финансовых инструментов от их сроков.

⁷⁸ Аллюзия на Иез. 22:4 – «За это отдам тебя на посмеяние народам, на поругание всем землям».

⁷⁹ Проверка академических способностей (Scholastic Aptitude Test).

⁸⁰ Ублюдок (*хинди*).

Я должен был узнать результаты после полудня, когда их пришлют Саксена. Они позвонят мне и, что гораздо важнее, перечислят деньги.

Полдень пришел, полдень прошел. Ни звонка. Ничего.

Я отправился пообедать, как делаю всегда, когда мне нечем заняться. В любимую забегаловку с южноиндийской кухней, где воняло хлоркой и куркумой.

Результаты уже наверняка объявили. Вокруг меня целые семьи отмечали окончание экзаменов, вешали детям на шею гирлянды цветов, набивали им рты доса⁸¹. Чем занимаются Саксена? Неужто решили меня кинуть?

Детишки в ресторане явно последние несколько месяцев регулярно плакались папе с мамой: «Я провалился, наверняка провалился, я плохой сын, убейте меня сейчас, в следующей жизни я справлюсь лучше!» – слышь, чувак, дай отдохнуть маленько, – и теперь рыдали от облегчения. В углу орал телевизор, чтобы членам семьи не нужно было общаться друг с другом: владельцы забегаловки знали своих клиентов как облупленных.

Мои клиенты, мои подопечные избавлены от такого. Ни тревог, ни мучений. И они сами, и их родители знают, что все будет замечательно, потому что я лучший. Даже если на миг допустить, что я где-то облажаюсь (хотя вряд ли), мне устроят выволочку, потребуют вернуть деньги – кстати, тому и другому клиенты наверняка обрадуются: так они почувствуют себя не безответными бухгалтерами со стремительно растущим пузом, а настойчивыми дельцами, которым удалось взыскать неустойку.

Если вы богаты, ваши дети всегда могут пересдать экзамены. Поживут годик дома, ваш партнер по гольфу впихнет их на какую-нибудь выдуманную стажировку. Это беднякам подавай все и сразу: им нужно поскорее сплавить из дома семерых пустобрюхих детей.

Одно семейство с плачущим отпрыском обсуждало, что завтра утром нужно бы зайти в храм. До и после Всеиндийских экзаменов в храмы ходят в сто раз чаще обычного. Ох уж эти молитвы, подношения ги и кислого молока! Лучше бы я занялся религией. Вы хоть раз видели бедного священника? Вдобавок они только и делают, что день-деньской трахают своих неграмотных прислужников и отправляют записи со скрытых камер на порносайты. Эту часть я пропущу, клянусь.

В тот самый миг, когда моя жизнь изменилась, я сидел в забегаловке, весь на нервах, и с опасной скоростью хлебал нимбу пани⁸² с щепоткой чат масала⁸³.

Я злился. Мне причитался миллион триста тысяч рупий!

Богатство, слава, удача! Джинсы!

И – никаких известий.

Я уже откровенно бесился – так, что готов был пешком отправиться в Грин-Парк и сжечь к чертовой матери эту богадельню с ее иностранными паразитами, так, как бесятся маоисты в наших восточных штатах, – и вдруг взгляд мой упал на экран телевизора в углу.

Я увидел там жирдяя Руди. Вишала с ненатуральными губами. Намиту в традиционном сари – никакой европейской одежды, всем обильные намасте, – отбивающуюся от похотливых объятий местных *нета*⁸⁴.

Я крикнул хозяину, чтобы прибавил звук.

Вскоре выяснилось, в чем дело. Они стояли у дома, вокруг них толпились репортеры всех индийских телеканалов, повсюду змеились кабели, симпатичные корреспондентки тыкали микрофонами в лицо Руди, потные джентльмены орали на всех: «Тишина!», тут же стояли соседские мамы, жаждавшие подыскать дочерям жениха.

---

⁸¹ Доса – тонкие, хрустящие блины из рисовой и чечевичной муки.

⁸² Нимбу пани (шиканджви) – пряный лимонный напиток.

⁸³ Чат масала – смесь специй, которую обычно добавляют в блюда из фруктов (например, салаты).

⁸⁴ Лидер, вожак, политик (*хинди*).

- Что вы намерены делать дальше, Руди?
- Правда ли, что Билл Гейтс собирается предложить вам работу?
- Как вам удалось добиться таких удивительных результатов?

Этот мелкий говнюк занял первое место.

Я занял первое место.

Первое, мать его.

По всей стране.

Ну ладно, не первое. На самом деле второе. Но первое занял какой-то Икбал, а это не считается. Кто будет снимать мусульманина?

Победитель – наследник культуры Вед.

Сукин брат.

Как?

Если сдавать экзамены столько раз, сколько сдавал их я, понятное дело, добьешься известного мастерства. Вопросы из года в год практически не меняются.

Вдобавок я умный, как черт.

Глаза Руди горели жаждой жизни. Теперь он мечтал не о травке и потных спальнях. Женщины, деньги, джипы – вот что ему подавай. Теперь ему хотелось сожрать весь мир. Его жизнь уже изменилась бесповоротно. Победитель на гребаных Всеиндийских. Да ему не придется работать ни минуты, разве что сам захочет. Может валять дурака до конца дней, вступить в элитарный клуб, лучший из возможных, жить красивее, чем сын премьер-министра или даже его любовница, – в клуб с секретными связями, тайными рукопожатиями и темницей с сексуальными рабынями, она же клуб на Гольф-Корс-роуд, – ну и богатством, конечно, невообразимым богатством.

Он станет ответом на вопрос викторины.

Кто занял первое место на Всеиндийских вступительных экзаменах 1974 года? Кто из победителей Всеиндийских экзаменов руководит корпорацией «Фейсбук»? Кто из победителей женат на актрисе Болливуда и может трахать ее каждую ночь?

Я проверил список входящих. Сумит не писал и не звонил. Обычно он целыми днями пялится в телефон, публикует селфи с «учениками», кормит их ладду⁸⁵, дарит им цветы. Сегодня – ничего. Пусто, как у евнуха в трусах. Наверное, совсем взбесился.

– Всем выпивку за мой счет, – крикнул я.

В тесной комнатке осталось человек двадцать: семейства с кислыми минами да несколько стариков, которые смотрели на смартфонах ролики с белыми девчонками, танцующими тверк, и цокали языком. В общем, не разорюсь, учитывая, сколько у меня теперь денег.

Руди – мой пропуск в счастливое будущее.

Я буду охеренно богат. Я схватил этого сукиного сына за яйца.

---

⁸⁵ Ладду – индийский десерт – шарик из гороховой муки, топленого сливочного масла с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями.

Четыре

А теперь небольшое отступление.

Вы, наверное, гадаете, как же я попал оттуда – сюда? Как из забитого, закабаленного сына торговца чаем я превратился в обаятельного остроумного городского кутилу? Пассажира метро, владельца банковской карты и малого бизнеса, налогоплательщика, независимого консультанта по образованию. Как мне это удалось? Как этот оборванец вообще выучил английский?

Что ж, настало время рассказать вам про сестру Клэр и про то, как она спасла меня.

Сколько мне тогда было лет? Я стараюсь пореже пускаться в воспоминания: все это полная хрень. Но стоит объясниться.

Мне было одиннадцать. И у нас начались неприятности. Одним январским вечером папа вернулся поздно из очередного кабака с *шарабом*⁸⁶, где гнали адское пойло прямо из антифриза.

Он был выпачкан в крови больше обычного, оба глаза подбиты, но на мне срываться не стал – так, пнул для порядка за то, что я не уследил за жаровней и она потухла. Значит, особо не пострадал.

На следующий день ушел спозаранку, не сказав ни слова, – то есть фактически дал мне выходной. Что-то явно случилось. Мы с соседскими мальчишками гоняли бешеных дворняг, у которых из пасти шла пена, – излюбленная индийская забава, которую поколение айфонов, к сожалению, позабыло, – а потом вернулся папа и сообщил, что теперь мы будем вставать еще раньше. И ничего не объяснил.

Впрочем, я и сам догадывался.

Видимо, он не так посмотрел не на ту женщину. Мой отец постоянно глазел по сторонам, но самое плохое, что не на что-то конкретно, а на все и сразу. Он высматривал часы, одежду, новых людей, женские талии, возможность добиться своего и потом выпутаться.

Почему же его любопытство не помогло ему устроиться в жизни лучше, чем торговать на улице чаем? Может, он пригляделся и понял, что выхода нет? Сколько себя помню, наша жизнь текла неизменно.

Как всегда в нашем случае, мельчайшее отклонение от курса сопровождалось жестокими побоями. Несколько дней спустя, в полночь, нам выбили дверь. В этом еще не было ничего странного. Папины пьяные дружки порой наносили нам визиты, равно как и его букмекеры с кредиторами.

Папа мигом проснулся.

– Значит, ты ее трахнул? – спросил непрощенный гость. Он пошатывался, держа короткий острый нож.

Папа промолчал. Всегда лучше промолчать.

– Моя жена, – продолжал мужчина. Высокий, мускулистый, вооруженный. – Моя жена. Я тебя убью, *харамзада*⁸⁷.

Мне все папины женщины казались одинаковыми, буквально на одно лицо. Они приходили к нему, он целовал их в обе щеки. «Одна щека – кофе, – говорил он, – вторая – шоколад. А где сахар, мы сейчас узнаем». Это была его первая фраза – и знак мне уйти.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил мужчина. – Знаешь?

Папа молчал. Мужчина засмеялся.

– Я тот, кто тебя убьет.

---

⁸⁶ Алкоголь (*урду*).

⁸⁷ Зд.: ублюдок (*хиндустани*).

Папа не растерялся. Поглядел на меня и сразу сообразил, что делать. Этого у него не отнять.

– При сыне? – сказал он. – При моем единственном ребенке? – Голос его звучал совершенно иначе, столько чувства он вложил в слово «сын». Закрой я глаза, нипочем бы не догадался, кто он такой.

Он поднялся, поставил меня перед собой. Верзила-незнакомец уставился на меня. Отец сильно ущипнул меня. Я понял, что от меня требуется. Ложь далась легко. Я разревелся, сложил молитвенно руки и проговорил:

– Пожалуйста, не убивайте папу.

Отец подвинулся вперед, подтолкнул меня к незнакомцу. Я заливался слезами. Даже слюни пустил для пушшего эффекта.

– Мой единственный сын. Кроме него, у меня никого не осталось, – продолжал отец, вцепившись в мое плечо.

И неожиданно с силой пихнул меня. Я упал на колени. Незнакомец тарачился на меня в замешательстве. Наклонился, чтобы поднять. Тут-то папа ему и врезал.

Он ударил его кулаком раз, другой, по почкам, в живот. Выбил ногой у него из руки нож, и тот улетел в темноту. Зажал мужчине рот, чтобы тот не издал ни звука. Папа так увлекся дракой, что нечаянно треснул меня по голове, но я не обиделся. Я гордился им. Я сыграл свою роль. Я помог ему. Быть может, наши отношения изменятся, быть может, он меня зауважает, быть может, он наконец...

Папа обернулся ко мне с такой широкой улыбкой, какой я у него отродясь не помнил, и произнес с наслаждением:

– Правило первое. Если бьешь, бей так, чтобы противник уже не встал.

Он ударил мужчину еще раз. Он кайфовал от происходящего, пока мужчина все-таки не поднялся и не набросился на него.

Папа дрался отчаянно. Ему сломали ребро, подбили глаз (впрочем, он был уверен, что найдется та, чьи поцелуи облегчат боль), однако же не убили.

Что случилось с той женщиной? Меня всегда это интересовало. Папа легко отделался, но каково пришлось ей? Ее избил? Или что похуже? Она связалась не с тем человеком, лжецом, вором, изменником, а потом еще, наверное, и пострадала физически.

Избиением дело не закончилось: папе продолжали угрожать, и он решил перенести наш лоток туда, где соседи добрее, в новую округу, к перспективам, о которых в нашей семье не могли и мечтать: я имею в виду Бангла-Сахиб-роуд, в двух милях от старого места. Две мили! Такая даль! Было ясно, что настал черед молодому поколению братья за дело. С этого дня лоток вез я. Крутил педали велосипеда. Вот же *боздайк*⁸⁸.

Жизнь моя изменилась с самого первого дня, как мы переехали (хотя, конечно, ноги утром и вечером просто отваливались). Во-первых, мы были в Нью-Дели, энергичном Нью-Дели, том самом Нью-Дели, который считался центром величайшей демократии в мире. Это вам не закоснелый старый Дели с его заклинателями змей и прочей чепухой – здесь были только лихачи-водители (того и гляди задавят!), демонстративно-продажные полицейские и душливый загрязненный воздух.

Теперь нас окружали люди двадцать первого века. Никаких тебе взглядов исподтишка, как в старом Дели, никаких тебе заговоров, отравлений мышьяком, ударов в спину кинжалом, украшенным драгоценными камнями. Мы очутились в современном мире.

Вместе к Кашмирским воротам мы уже не вернулись. Наверное, поэтому я заезжал туда в одиночку, уже добившись успеха – показать, что я смог и не боюсь, как боялся он. Глу-

---

⁸⁸ Ублюдок, дословно – выходящий из утробы (*хинди*).

пость, конечно, друзья мои. Будьте умнее меня: знайте, что только страх поможет вам избежать смерти и не допустит, чтобы вам отрезали пальцы.

Тот современный мир в конце концов стоил мне мизинца. И принес мне в десять раз меньше денег, чем у самых-самых богатых. Где-то здесь явно таится урок.

Воздух в Нью-Дели отдавал бензином, керосином, метаном, выхлопами автомобилей, автобусов, иномарок, отполированных до блеска. К этому примешивались запахи старого Дели – угольных жаровен, зловонной воды, недиагностированных психических расстройств, – однако вся эта вонь скрывалась под слоем строительной пыли, свежего асфальта и гербицидов, которыми поливали газоны в городских парках.

Мы примостили лоток на обочине рядом с торговцами чатом⁸⁹ и самосой⁹⁰, рядом с общественными туалетами. Видите? Место, где можно поесть, попить и облегчиться, созданное словно самой природой, без нелепых заявок на планировку и комиссий по зонированию. Наш лоток ютился между низкорослым деревом и скамьей. За нами была стена какого-то министерства планирования или госучреждения, из которого на улицу валили валом сотрудники, халявщики, владельцы малых бизнесов, только что давшие взятку во имя лучшей жизни, – и все они оказывались возле нас.

Но больше всего мне запомнился шум. Шум, всюду шум. Машины гудят, дети визжат, мотоциклисты в шлемах проносятся с ревом, шоферы харкают, бизнесмены орут друг на друга – то ли с радостью, то ли со злостью, – обсуждают условия сделок, одетые кое-как матери ведут дочерей в школу, смеются над глазающими на них мальчишками; тут же разнообразный белый люд, туристы с рюкзаками, дипломаты, пресмыкающиеся садху⁹¹, сикхи с прямыми спинами – и монахини.

Я познакомился с ней через месяц после нашего переезда.

Взгляд у нее был добрый, как у матери или сестры – по крайней мере, мне так казалось. Он оглушал, точно зной за порогом лавки с кондиционером. Она практически идеально говорила на хинди, однако легкий акцент выдавал чужестранку.

Позже она рассказала, что в двадцать лет сбежала из Франции с парнем. Скольким сомнительным типом, влюбленным в звук собственного голоса, как все французы, по ее словам. Он бросил ее, начал возить наркотики из Кашмира немывтым хиппи в Гоа, и, несомненно, приставать к невинным целомудренным индианкам. Она же осталась в Дели, растерянная, несчастная, устроилась сначала учительницей английского, пришла к вере, а потом стала работать в школе при католическом монастыре Святого Сердца.

Одни сестры – смуглые души под белой кожей – решили навсегда остаться в Индии (в Европе они просто-напросто не знали бы, чем себя занять), другие же через несколько лет собирались вернуться на Запад, а пока рассчитывали посмотреть страну – исключая, разумеется, те районы, где нет питьевой воды и до ближайшего кинотеатра нужно ехать сто миль.

Они показывали ученикам истинный путь к Христу – каждое утро месса, пение гимнов под орган, пострадавший от гнили и ржавчины, чтение Библии отрывистыми голосами, но не слишком часто, чтобы родители не жаловались, дескать, их детей пытаются обратить в католичество.

Уроки риторики, этикета, английский, французский, музыка. Потом университет, пять лет учебы, замужество, дети, уроки тенниса, фешенебельные круизы, смерть.

– Этот мальчик должен быть в школе, – первое, что она обо мне сказала. Белая женщина говорит на нашем языке? Папа в ответ произнес по-английски: «Чаю?» Он недавно пополнил

---

⁸⁹ Чат – традиционная индийская уличная еда – вариации на тему жареного теста с картофелем и прочими добавками.

⁹⁰ Самоса – жареное или печеное тесто с овощной начинкой.

⁹¹ Садху – религиозный аскет, отрекшийся от мирской жизни.

свой словарь этим словом и теперь кричал его группам туристов – вместе с различными заимствованиями из крикета: «шесть», «граница поля» и «отличный удар».

Словарь его расширился после того, как мы прибыли в Нью-Дели. Не могли же мы в таком месте оставаться простачками. Теперь нас окружали владельцы мобильных, пассажиры метро, руководители фирм. Приходилось соответствовать. Вот папа и осваивал новые навыки – я заметил английский разговорник в его вещах, а вскоре и английские фразы в его речи. Зато можно было удвоить цены.

– Один чай, – в ответ сказала она на хинди, и папа растерялся.

Я сразу же заметил ее акцент. Уже тогда я выискивал возможность изменить жизнь. Это было что-то другое, что-то новое, непривычное. Я наострил уши.

Она смотрела на меня, словно знала, что увидит меня здесь, возле лотка. Она наблюдала за тем, как я перемалываю специи.

Она была монахиней. Белая, лет пятидесяти: из-под капюшона выбивались седые пряди. В темно-серой рясе, с крестом на шее.

Она не сводила с меня глаз. Ловила каждое мое движение. Кивнула, словно мы с ней давно знакомы.

И повторила судьбоносные слова, которые изменили всю мою жизнь: что я должен быть в школе.

Папа не нашелся с ответом – то ли сказать ей: «Иди на хер, монашка недотраханная», то ли обратиться все в шутку, на потеху толпе обозвать ее сумасшедшей, обронить: «Ох уж эти *гора*⁹²!» Она была белая, вдобавок монахиня, а он испытывал пусть небольшой, но пиетет к религиозным деятелям, в силу которого мы, индусы, легкая добыча для всяких гуру, святых и мессий, равно как и для обещающих выгодные сделки завоевателей всех мастей.

– Быть может, мадам хочет любовный чай? Для успеха в личной жизни?

Чаевники расхотались.

Взгляд Клэр вмиг из мягкого стал твердым.

– Он должен быть в школе, – повторила она. – Сколько ему лет? Десять? Он умеет читать? Писать?

Папа не знал, как быть. И просто кивнул. Он понятия не имел, что я знаю и чего не знаю, так что кивок его выглядел фальшивее индокитайского договора о дружбе.

– Вы хотите, чтобы я позвонила в Министерство образования? Между прочим, эксплуатировать детский труд запрещено законом, – добавила Клэр и поправила воротничок. Папа смущенно поежился.

Я помню, как меня били и оскорбляли в детстве, но лучше всего запомнил папино унижение.

Он решил держаться услужливо и смиренно, ползать перед белой женщиной на брюхе, лишь бы она поскорее ушла, а назавтра, если понадобится, перевезти наш лоток в другое место, поскольку он догадался по ее взгляду, что она так просто не сдастся. А папа, как все бедняки, нутром чуял опасность.

И он солгал: дескать, я каждый день хожу в школу – разумеется, кроме сегодняшнего дня, но такое бывает настолько редко, что и не передать, не могли бы вы подвинуться, мэм, вы мешаете покупателям, бедному человеку приходится зарабатывать на жизнь. Клэр ему не поверила. Снова взглянула на меня и кивнула. Я растерялся. И тоже кивнул.

Тут надо подчеркнуть, что полным неучем я не был. Я умел читать. И писать. В общей сложности мне удалось отучиться года два – если считать все торопливые утра и дни, когда я ухитрялся настолько рассердить отца, что он, залепив мне пощечину, отсылал прочь – уйди, глаза бы мои на тебя не глядели, – или когда соседки, наслушавшись проповедей западных

---

⁹² Белые (*хинди*).

благотворительных фондов, волокли меня за руку в школу. В Дели каждый готов сунуть нос в чужие семейные дела: живешь как на проходной улице, по которой шастают все, кому не лень. Опомниться не успеешь, а незнакомая тетка уже тащит тебя на овощной рынок, или стричься, или к окулисту; вернешься домой – отец пьяный валяется на полу, и ты диву даешься: что это вообще было?

За папой закрепились определенная репутация. Женщины постоянно норовили его переделывать, ну и меня заодно, поскольку боялись, что я пойду по той же дорожке.

И это им явно удалось, поскольку я честный, добропорядочный гражданин, который, повторюсь, полностью платит налоги: такой вот дурак. Социальные работницы, любовницы, учительницы, дальние родственницы, а порой те и другие безуспешно пытались приобщить нас с отцом к ведическим практикам, и если мне удавалось хоть ненадолго сбежать от чайного лотка, что с того?

Разумеется, я не учился полный день, с девяти до трех, как западные школьники, – сбор, обед и ядовитые распри между социальными группами. Учителя отмечали присутствующих – и свободен, беги себе. Школьное руководство выполняло свой любимый план по обучению грамоте, получало награды, деньги и венки на шею от государственного правительства, в итоге нашим министрам образования стоя аплодировали в ООН и публиковали их портреты на обложках журнала «Тайм».

Хинди я выучил по школьным комиксам, тем самым, где были собраны все божества всех религий, – продукты очередной увядшей инициативы «давайте жить дружно», плоды трудов тех, кто верил в то, что «Индия многонациональная, многоконфессиональная демократия» и прочий *баквас*⁹³. Комиксы хранились в самом конце класса, где на них, точно *аширвады*⁹⁴ небес, сыпалась штукатурка. Я поглощал эти истории на переменах, когда все остальные возились в грязи на улице. Я же любил школу за то, что, сидя вдали от шума и жары, можно остаться чистым и помолчать – но тут уж кому что нравится, верно?

– Он умеет читать. Просвещение дорого сердцу каждого индуса, – ответил папа, будто Клэр – хиппушка в яркой футболке с разводами, а не образованная женщина, которая знает хинди лучше его. Она догадалась, что он врет, и улыбка тронула ее губы. Папа же решил задурить ей голову рассказами в духе Неру о вечных поисках истины. Он тогда начал почитать газеты, вот и начитался. Наши клиенты, чаевничая, разглагольствовали о текущих событиях, притворялись, будто бы объездили весь мир – ну или хотя бы Национальный столичный регион.

Из белых Клэр стала первой, кто с нами заговорил.

– Я завтра вернусь. С книгами. Для него, – сказала она.

Папа разразился тирадой о Сарасвати и важности чтения:

– Мы изобрели цифру ноль, мэм... моя семья издревле любит книги, мы были поэтами, знаете ли... Я каждый день посещаю храм.

Она стояла и смотрела, как он потеет. Наши клиенты с изумлением наблюдали, как папа, известный бабник и краснобай, извивается перед белой женщиной, точно уж на сковороде.

Она объяснила ему, что намерена делать. А он, не найдясь что ответить, истощив запас теорий, историй, пословиц, повторял: «Да, мэм. Завтра, мэм. Да». Его прижали к ногтю, и я догадывался, что вечером получу пощечин, крепких, пьяных, «за покойницу-мать, змею подколодную».

– И чтобы вы были здесь. У меня есть связи в полиции. Я веду занятия у их дочерей, – завершила Клэр и, не дожидаясь ответа, ушла, напоследок одарив нас лучезарной улыбкой.

Папа минут пять стоял столбом, машинально, как робот, брал то молоко, то заварку.

---

⁹³ Зд.: вздор (*хинди*).

⁹⁴ Благословение (*хинди*).

– Ох уж эти *гора*, – проговорил он, когда застывшая на лице гримаса изумления наконец оттаяла, и толстяки-дельцы в очереди расхохотались над его унижением.

К вечеру он оправился и, как всегда, заговорил о функциях организма, испражнениях, расстройстве печени, лекарственных средствах, чудотворных паломничествах, странных существах, которых видели в Ямуне, невероятных выигрышах в лотерею, о тальке и опрелостях в промежности.

Постепенно он убедил себя, что она не вернется. Подумаешь, какая-то белая, еще и монахиня, которой вздумалось покомандовать. Он так уважал христиан, но после такого, господи, после такого – все, увольте.

Наутро мы с папой трудились усердно, рука об руку, наравне, занимались семейным делом в атмосфере взаимной заботы, когда появилась Клэр с книгами для меня, с игрушками, пластмассовыми божками с безжизненными глазами и с парой кроссовок, подошва которых светилась на ходу. Завидев ее, отец выпучил глаза и выругался, а я нечаянно рассмеялся, за что в тот же вечер получил сильную взбучку, второй день подряд – его блестящая рука-кнут не ведала ни минуты покоя.

Я догадываюсь, почему она решила взяться за мое образование. Она не служила бедным и всеми забытым, как проповедовали книги и сестры, а всего лишь учила дочерей недостойных толстошеих богачей в школе Святого Сердца, и вера ее мельчала, лишалась смысла. Не понимаю я лишь одного: почему она выбрала меня. Из всех детей, которых множество на каждой улице, каждой парковой скамье и мусорной свалке. Нельзя сказать, что я с виду был чистый ангел. Я не скалил зубы в улыбке, как детишки на сайте ЮНИСЕФ, и не светился внутренним светом.

Так почему?

Она никогда не заговаривала ни о причинах, ни о сомнениях. Передо мной же, как по волшебству, открывался целый мир: учеба, школа, экзамены, колледж, новая жизнь.

Потом-то она призналась, что впервые заметила меня, когда я утром вез лоток. От нас до ее школы было пять минут. Однажды она проходила мимо и услышала, как отец жалуется. А потом увидела меня, ну и все.

Через несколько лет, когда Клэр заболела, она смотрела на меня невидящим взглядом – так, будто меня давным-давно нет на свете. Прикасалась ко мне и удивлялась, словно то, что я жив и стою перед ней, не иначе как чудо.

– Мы устроим твою жизнь, малыш, – говаривала она, точно меня еще не существовало и она, как богиня-создательница, вдохнет душу в ком черной ямунской глины.

Следующие месяцы она приходила каждый день в три часа, после уроков. Сперва она явилась в полдень, но отец взмолился: пожалуйста, мэм, приходите, когда схлынет поток клиентов, и сзади, пожалуйста, мэм, чтобы не смущать дельцов, вы женщина, еще и монахиня, как же им при вас болтать о том, как они избивают жен и с кем из актрис не прочь переспать?

Каждый день до ее прихода я трудился не покладая рук, расщеплял специи на атомы, выкладывал в ряд чайные ситечки, с особой осторожностью брал коробки и ложки и ставил так, чтобы отец мог легко до них дотянуться.

Потом приходила Клэр, и мы садились на полуразрушенную, облепленную голубиным дерьмом бетонную лавку возле лотка, и я корпел над английским и хинди, над числами, буквами, изображениями буков и кубов, она ерошила мне волосы, обнимала, трепала за щечку, когда я отвечал верно, то есть каждый гребаный раз. Я отгонял глазевших на нас любопытных детишек, которым повезло меньше, чем мне. Я сознавал свои привилегии не хуже, чем обитатель американского пригорода. У них были джакузи и «БМВ». У меня была монахиня.

В первые недели я из кожи вон лез. Боялся, что, если хоть раз отвечу неправильно, она меня бросит. Найдет другого мальчишку, более перспективного. С приближением назначен-

ного часа сердце мое билось все чаще, и я привычно думал: сегодня она поймет, что зря тратит на меня время, и завтра не вернется. Теперь я уже так не волнуюсь перед встречей с белыми.

Разумеется, она бы меня не бросила. Но мне все равно снились кошмары. Сейчас-то я понимаю: матери у меня не было, а потому и страхи мои объяснялись легко, и все равно по ночам я мучительно трясся от ужаса при мысли о том, что она найдет себе другого ученика или проект. (Стоило разок прочесть «Психологию для чайников», и вот до чего я додумался.) И каждый день, увидев Клэр, я наконец успокаивался. Она не уйдет. Уж я позабочусь о том, чтобы она осталась. По какой бы причине она ни выбрала именно меня – судьба, удача, мое сходство с тем, кто давно умер, – я удержу ее благодаря своему уму.

Мне нравилось даже просто сидеть с ней рядом. Не верилось, что она, белая, говорит со мной, прикасается ко мне, и я могу дотронуться до нее – до чего же легко я в те дни очаровывался европейцами! Если бы я мог дать совет себе ребенку, сказал бы: лучше проси у них денег.

Все эти месяцы она носила мне дешевые сласти, картофельные чипсы в пачках, украшенных фотографиями крикетистов и рассуждениями о победе, ластик, карандаши, точилки, мыльные пузыри. Тогда мне казалось, все белые – своего рода боги. Теперь-то я поумнел.

Наконец хоть кто-то обратил на меня внимание. На самом деле мне было не так уж важно, белая она или нет. Она уделяла мне время, никогда не раздражалась, отвечала на мои нескончаемые вопросы и всегда смеялась над моими шутками.

– *Très bien*, – говаривала она. – *Très bien, mon petit chou*⁹⁵, давай еще раз, – и порой, закончив занятия, негромко рассказывала мне о Франции, фильмах, сказках, которые слышала в детстве, а отец тревожно поглядывал на нас, побаиваясь и ее благоуханной мести, и того, что мне задурят голову представлениями белых о среднем образовании и бесполезности телесных наказаний. Привычный его прием – обольщение – к Клэр был неприменим. Она была образованна. Она лучше знала жизнь. Она была опытнее. К тому же дала пожизненный обет безбрачия. Перед ней он оказывался бессилён.

Будь это байопик, я умолчал бы о Клэр. Из-за нее белым стало бы неловко. Я бы сделал монтаж: детство, по вечерам я сбегаю из дома от побоев, чтобы урвать несколько драгоценных часов и позаниматься, учеба идет медленно, буквально ползет, но все-таки через несколько лет я осваиваю букву А. Так было бы честнее, реальнее, характернее для Индии. Зрители в кино-театре аплодировали бы парнишке, который никогда не сдавался, в одиночку сломал систему и всего добился собственным трудом.

Но все было иначе. И плевать я хотел на красивую сказку. Для меня важна правда. Клэр изменила мою жизнь. В память о ней я обязан рассказать, как все было на самом деле.

Возможно, я уже подзабыл, что было в детстве. Наверняка сгладил углы. Сочинил себе нарратив, как американцы после сотен часов психотерапии. Может, в моих воспоминаниях Клэр предстала такой, какой никогда не была, и ее доброта окрасила их в розовый цвет. Или я пересмотрел передач Опры. Но уж так мне запомнилось. Клэр в моей памяти навсегда останется кроткой – может, с другими она и бывала резкой, но не со мной. Она позаботилась о том, чтобы я не растратил свой дар впустую и не превратился в очередного безликого ребенка, который пропал, так и не заявив о себе.

Может, я ошибаюсь. Может, я и без ее помощи стремительно добился бы успеха. Но она же мне помогла. А врать я не хочу. Я должен рассказать нашу с ней историю. Когда речь заходит о Клэр, я всегда говорю правду. Благодаря Клэр я поверил в себя и понял, что хочу чего-то добиться. Она дала мне жестяную коробку с выгравированными достопримечательностями Парижа, я хранил в ней свои сокровища – карандаши, линейки, книжки. Занимался я по вечерам, когда отец валялся пьяный, хотя электричество в нашем доме то и дело пропадало, его вообще подвели как-то не очень закономерно, а на генератор мы не накопили бы за всю жизнь,

---

⁹⁵ Зд.: Отлично, мой милый малыш (фр.).

поскольку хозяин из отца был аховый. Когда в городе отключали свет, мрак окутывал толпы прохожих, лачуги с картонными дверями, из которых воняло жиром, мукой и разбодяженным далом (который, поверьте, пахнет совсем не так, как настоящий), и маленькую бетонную крышу, на которой я занимался под звездами. Я не обращал внимания на пауков, тараканов, летевших мне в лицо, на стоны и вздохи мужчин и женщин, избиваемых детей, на пропитый недельный заработок.

На крыше всегда кто-то был. Вот вам радость плодovitых индийских утроб, подкрепленная древними ведическими ритуалами и тем, что у бедняков нет ни телевизора, ни Фейсбука (до чего ж изменился мир!) – ни минуты покоя!

Я поднимался наверх в любую погоду. Если было холодно, надевал свитер, который связала Клэр из шерсти собаки по кличке Снупи. Если шел дождь, все равно засиживался до последнего, прежде чем, прижимая к груди тетради, чтобы не намокли, убежать домой. Как-то вечером хриплый голос, пропитанный многолетним пьянством, произнес: «Не сиди под дождем, бета!» «Он читает! Читает!» Мужчина рассмеялся, за ним другой, и я никогда не чувствовал себя беспомощнее, чем в ту минуту, когда надо мной смеялись люди без лиц.

На следующий день Клэр спросила, почему книги сырые, и я не сумел объяснить. Она взъерошила мне волосы, и я понял, что прощен. Как приятно было сознавать, что некоторые твои проблемы решаются просто потому, что ты кому-то небезразличен. Что кто-то утирает тебе слезы, если ты ошибся с ответом. Кто-то покупает тебе сласти и прочие вкусности, уделяет тебе внимание, подарил кроссовки и симпатичную белую рубашку. Поневоле задумаешься, как сложилась бы твоя судьба, если бы у тебя с самого начала была мать. Чего ты добился бы, в какие школы ходил, какую вел жизнь.

С другой стороны, нельзя исключить, что меня любили бы, воспитывали, а я все равно вырос бы круглым балбесом.

Через несколько месяцев Клэр поняла, что я уже научился всему, чему можно научиться на лавке у чайного лотка на Бангла-Сахиб-роуд. Не самое, в общем, плохое место. Здесь начинались великие коммерческие империи, компьютерные компании стоимостью во много крор⁹⁶, политические карьеры, страдавшие под гнетом коррупции, лишнего веса и растления девственниц. Но учиться в таком месте непросто.

Столько вокруг красоты! Столько современных зданий! Столько жизни! И как все зассано!

В один прекрасный день Клэр сообщила, что мне нужно будет отлучаться от лотка хотя бы на несколько часов в день. Завтра она поставит в известность папу. Я заплакал от радости, ответил, что люблю ее, стараясь говорить тише, чтобы папа не услышал, хотя вокруг стоял привычный оглушительный шум. Порой я очень туплю.

– Я с первого взгляда поняла, что у тебя все получится, – призналась Клэр и крепко обняла меня, словно боялась потерять.

Она изменила мою жизнь. И я тут ни при чем. От меня требовалось лишь прилежно учиться. А это любой дурак может.

Весь день и весь вечер я помалкивал. Стискивал кулаки и трясся от радости. Оглядывал нашу комнату и чувствовал, просто чувствовал, что с этого самого дня все будет иначе.

Когда Клэр сообщила о своем решении папе, он пришел в ярость. И уже не смолчал перед этой женщиной с ее прожекторами, кем бы она ни была и какие бы у нее ни были связи.

– Вы... мэм, этот мальчик, мы живем по-другому, вы же... забываете ему голову таким...

У него хотят отнять ребенка, который принадлежит ему по праву. Он меня кормил, одевал, тратил на меня деньги, хотя мог бы найти им применение получше. Иначе зачем он вообще

---

⁹⁶ 10 миллионов рупий.

меня растил? Мог бы отправить в приют или бросить умирать на помойке, как девчонку. Я его собственность, вопил он, меня испортили, а теперь хотят украсть и превратить в белого. Так он разорялся, пока не иссякли слова.

Клэр молчала. В этом она сумела бы победить на Всеиндийских экзаменах.

– Я приду за ним завтра, – заключила она.

Наутро, когда я проснулся и стал собирать вещи – пенал, модные кроссовки, надежды и мечты, – отец зловеще улыбнулся мне.

Я знал эту улыбку.

Я ни разу не повысил на него голос, никогда в жизни. Я вообще старался ни в чем ему не возражать. Однако же в тот день осмелился.

– Нет, – сказал я. – Нет, папа. Не надо. – И забарабанил кулачками по его груди.

Дальше вы и сами догадались. Он орал. Бесился. Избил меня. Еще и нотацию прочел. Избавлю вас от подробностей. Но это было очень театрально.

– Мы уедем. Она никогда нас не найдет. Если эта белая женщина воображает, будто сможет украсть мою кровинку, то она ошибается. Собирайся! Никто не отнимет у меня сына.

Я рыдал. К концу сборов все мои вещи были в пятнах от слез. Папа сломал мой пенал – просто потому, что мог. Поднялся со мной на верхний этаж, постучал в дверь и заставил отдать игрушки и тетрадки соседям.

Кроссовки остались мне. В них было удобнее крутить педали, и в тот день я, с кроваво-красными от слез глазами, вез лоток по Пахарганджу⁹⁷, а отец с улыбкой шел рядом. Впрочем, через три дня его довольная мина испарилась, когда рядом с лотком затормозил джип и замначальника полиции приказал предъявить лицензию на торговлю.

Отец едва не рассмеялся. Полицейский взял дубинку, размахнулся и треснул его по башке.

Отец упал.

Полицейский наклонился к самому его лицу и процедил:

– Мой босс просил передать: упаси тебя бог еще хоть раз огорчить белую женщину.

Понял?

Прежние папины враги были сплошь мелюзга. Тогда он этого не понимал. Они решали вопросы силой, пускали в ход ножи и кулаки, а если противник не поднимался, чтобы продолжить драку, считали, что победили. Этот новый враг знал: лучшее оружие – закон.

* * *

Помню, как впервые переступил порог монастыря Святого Сердца.

И очутился в раю. Газоны, насколько хватало глаз. Армия садовников. Красные черепичные крыши. Часовня. Высокие сильные деревья. Я никогда такого не видел. Я словно перенесся в другую страну.

Единственным признаком того, что я по-прежнему в Индии, были девочки, дочери нашей элиты, получавшие здесь хорошее западное образование, чтобы потом уехать и начисто забыть о прошлом.

В тот день, как и во все последующие, они обращали на меня внимание, лишь когда хотели посмеяться. Я чувствовал себя невидимкой. Я вынужден был сторониться их в коридорах, юркать в классы, отпрыгивать на газон, чтобы меня не толкнули. Клэр показала мне школу, провела по кабинетам, учительницы натянуто улыбались, но за спиной тоже посмеивались надо мной.

---

⁹⁷ Район в центре Дели.

Впрочем, кое-кто из девчонок на меня смотрел – из благотворительных классов, дочери далитов, которые приняли христианство, чтобы бесплатно устроить детей в школу и перебраться с нижней ступени одной кастовой системы на нижнюю ступень другой.

Я подмечал детали. Никаких бетонных строений. Все из дерева, но не нашего, индийского, дешевого, рассчитанного от силы года на два. Это отличалось. Дерево для дочерей европейцев – «Девятнадцатый век», – сказала мне Клэр, монастырь строили на деньги французского коммерсанта, торговавшего ситцем и слоновой костью.

Обслуга – садовники, уборщики – открыто таращилась на меня. Они чували, что мне здесь не место, что монахиня не должна водить меня за руку, баловать, воспитывать, учить. Они догадывались, что я такой же, как они.

На вторую неделю я заявился один, без Клэр. И, как дурак, гордо вошел в ворота.

Чья-то рука преградила мне путь.

Верзила с глазками-бусинками оттащил меня в сторонку, тут же, у ворот школы.

– Проверка! – рассмеялся он. – Никакой грязи!

Я растерялся. У меня задрожала губа.

Он покачал головой – вот же парень бестолочь! – велел вытянуть руки и показать ладони.

Я стоял, как машина в пробке, солнце обжигало мне шею, припекало спину, мимо меня по улице шли мальчишки и мужчины, глазели на странный ритуал у ворот белого человека.

Охранник докрасна растер мою кожу и рассмеялся.

– Думал, вдруг сверху ты смуглый, а дальше белый.

И это было только начало, хотя тогда я этого и не знал.

Люди шептались. Ненависть ко мне крепла.

– Что здесь делает этот оборвыш? – удивлялся садовник.

– Только школу собой поганит, – почесывая задницу, добавлял повар.

– Ох уж эти чокнутые гора, воображают, будто могут переделать Индию, – говорил электрик.

Дирижировал сплетнями против меня человек по имени Дхарам Лал, помощник казначея.

Сам казначей был почтенным монахом лет семидесяти с небольшим, который дни напролет возился в саду, пичкал детей карамельками и разгадывал кроссворды. За финансы отвечал Дхарам Лал, он же нанимал и увольнял сотрудников. В школе он был самым влиятельным индусом, и он меня ненавидел. Все как всегда, правда, друзья?

Он мне до сих пор снится в кошмарах, эти его рваные усищи, точно зубцы ножовки.

С первого же взгляда на него я просек, что ему жилось нелегко. Дхарам Лал поднялся из грязи в мир, где можно носить белые рубашки и заниматься умственным трудом в удобном кабинете с кондиционером. Он сам всего добился. Я сразу же это понял. Мне не нужно было объяснять. И гадать, что к чему. Понял, и точка.

Где-то через месяц после того, как я начал учиться в школе Святого Сердца, он пришел в крохотную келью Клэр, когда наш с ней урок подходил к концу. Постучал в дверь, причем громко, ворвался, не дожидаясь ответа, и молча уставился на нас недобрым взглядом. Клэр и бровью не повела: она просто игнорировала его, и мне ничего не оставалось, как проговаривать английские слова, хотя я и посматривал между делом на Дхараму Лала.

– Значит, это и есть тот самый мальчик? – спросил он наконец. Я позволил себе смерить его взглядом. Руки у него были в шрамах, как у моего отца: грубые, мозолистые, натруженные. Этим рукам приходилось немало работать, равно как и моим. Теперь у меня руки мягкие. Я почти забыл себя прежнего.

– Поздоровайся, Рамеш, – сказала Клэр.

– Здравствуйте, сэр, – произнес я, потому что образованный человек должен вести себя вежливо даже с теми, кто его ненавидит. Ох уж эти европейцы с их моралью!

Лал прошелся по келье, точно явился с проверкой: скользнул взглядом по думочкам с кружевной каймой, по кисейным занавескам, по иконке святой Бернадетты⁹⁸, портретам Ганди и принцессы Дианы. И все это ему явно не нравилось.

– Вы полагаете, это разумно, сестра?

– Что вы имеете в виду? – уточнила Клэр.

– Люди болтают всякое.

– Так велите им замолчать, – ответила Клэр и снова уткнулась в английскую грамматику.

Она не обращала внимания ни на его блуждания, ни на то, что ему отчаянно хотелось добавить что-то еще. Многие мужчины в нашей культуре стремятся быть немногословными, теми, к кому прислушиваются без возражений; вот и Дхарам Лал боролся с желанием вставить слово, стараясь сохранять спокойствие, чтобы все видели: он смертельно опасен (хотя это вовсе не то же самое, что и уверенность в собственном авторитете). Он сердито взглянул на меня, обвел глазами белые стены кельи, чтобы проверить, не вытер ли я штукатурку, и ушел.

Эти три года ежедневных уроков, с одиннадцати до двух, стали самым счастливым временем моей жизни. Соседские дети проводили время иначе: они прыгали в мусорных лужах, попадали под поезда. Я же учился. История, английский, математика, физика, стихосложение. Мы с Клэр в ее келье, пропахшей ветивером, камфорой и сандалом, она не сводит с меня глаз, точно во мне – вся ее жизнь.

Теперь, когда я возвращался к лотку, отец меня почти не бил. Он не выпускал из рук медный котелок. Все чаще приводил домой женщин, застенчивых пышек без гроша за душой, толпившихся у стоянок такси, где их ухажеры (и по совместительству сутенеры) зорко следили за каждой купюрой, попадавшей к ним в руки – похоже, в наши дни мужчины ничем другим и не занимаются. Отец проводил время с женщинами в ярких сари, расстегнуть крючки на которых была пара пустяков, женщинами с рубиново-красными губами и заплывшими талиями, женщинами, чьи соблазнительные улыбки, стоило мужчине отвернуться, сменялись насмешливой гримасой – да и кто их станет винить?

Практически каждый вечер он с превеликим удовольствием выгонял меня на крышу, даже если был один, без женщины.

– Иди занимайся, – говорил он и, дав десять секунд на сборы, вышвыривал меня с учебниками и тетрадками за дверь.

С покупателями папа стал еще словоохотливее. Обычно торговцы чаем не расспрашивают клиентов о кузенах, кузинах, любовницах, детях и прочих подробностях жизни. Им нужно лишь поскорее подать горячий крепкий сладкий чай, ну, может, поболтать о спорте и о том, что все политики берут взятки. Теперь же все изменилось: папа целиком запомнил биографии клиентов. Помнил даже, как зовут кинолога, который занимается с собакой чьей-то троюродной сестры. Когда клиент уходил, свет в отцовских глазах гас, будто храмовая статуя богини, ожив на миг, опять превращалась в мертвый камень. Этот его интерес к чужим людям отчего-то навел на меня тоску.

На меня он даже не смотрел. Наверное, общение с Клэр сделало меня сентиментальным. Мне очень хотелось, чтобы отец хоть мельком, хоть краем глаза взглянул на меня, заметил, пусть даже исключительно чтобы продемонстрировать, как мало я для него значу, дать понять, что ему и без меня есть чем заняться, я – лишь ничтожная часть его жизни, и он совсем по мне не скучает. Но отец в кои-то веки хранил спокойствие.

Теперь он бережно обращался с горелками, чашками, котелками, начал ухаживать за ними. Даже они удостоивались большего внимания, чем я. Может, мой добрый пример так

---

⁹⁸ Бернадетта Сукуру (1844–1879) – католическая святая, которой, по ее словам, являлась Дева Мария. Католическая церковь признала явления подлинными, и Лурд, где жила Бернадетта, стал местом паломничества.

или иначе вдохновил его задуматься о будущем, развивать торговлю, высматривать радужные перспективы, которые двадцать первый век... Ой, ну разумеется, он делал все это только чтобы показать, мол, я не хуже сынка с его новой пижонской школой при монастыре.

Однажды его клиент, один из тех, кто читает вслух газеты, наслаждаясь собственным зычным голосом, заметил мою новую рубашку и кроссовки.

– Посмотрите на этого человека, этого самоотверженного *чайваллу*⁹⁹, – обратился он ко всем собравшимся у лотка, обнаруживая поэта, давным-давно задушенного необходимостью составлять счета в трех экземплярах, – он экономит каждый грош, чтобы сын его жил так, как он сам не смел и мечтать. Посмотрите, как он беден, и посмотрите на его сына, который никогда не узнает голода и нужды.

Отец наслаждался. Вокруг собралась толпа. Мое счастье, что тогда еще высокоскоростная мобильная связь не добралась до наших краев, иначе кто-нибудь из толпы обязательно опубликовал бы фото в «Инстаграме», навсегда сохранив мой снимок в интернете, и моя карьера имперсонатора, он же консультант по образованию, строилась бы на крайне зыбком фундаменте.

Отец вдруг повел себя необычно. Принялся кланяться, возвращать собравшимся комплименты. И впервые за долгое время посмотрел на меня. Взял мою руку и поднял к небесам. Я изумился: оказывается, он может просто прикасаться ко мне, а не только лупить, пихать или толкать.

Через несколько дней отец достал черно-белую фотографию женщины, украсил пластмассовыми бархатцами и демонстративно прикрепил под навесом лотка.

Видимо, это была моя мать. Он воскрешал ее призрак при каждом удобном случае – ее краткое, трагическое существование – как напоминание о жертвах, которые мы все приносим во имя будущего поколения.

Он покрыл лоток свежим слоем краски. До блеска натер велосипед. Пусть все видят: тяготы жизни его не сломили. И наш лоток наконец-то получил название. «Тот чайный лоток, хозяин которого отправил сына в школу при монастыре».

Разумеется, ни о чем серьезном он со мной по-прежнему не разговаривал. Мы могли неделями даже словом не перебраться. Он отдавал мне распоряжения нетерпеливым стуком, криком, кивками, в глаза же не смотрел никогда. Он отгородился от меня стеной, невидимой, толстой, прочной, как те, что возводят между бедными и богатыми государствами. Мы оба понимали: он почти перестал меня бить, потому что боится Клэр. Впервые в жизни у меня появилась власть над ним, и он этого не забыл.

Как ни любила меня сестра Клэр, как ни заботилась, в те годы у меня было два схожих врага: дома – отец, в школе – Дхарам Лал. Помощник казначея наблюдал за мной, выжидал; когда я подходил к воротам школы, его армия секретарей и прихвостней неизменно делала вид, будто видит меня впервые. Они оставляли меня потеть на улице и, как я ни просил, ни разу не дали даже стакана воды.

Проходя мимо меня в коридоре, злые уборщики пачкали пылью мои модные коричневые штаны, купленные Клэр в «Рэймонде», – очередная индийская торговая марка, от которой наш средний класс не так давно отказался, как и от мультирелигиозной демократии.

Вскоре Дхарам Лал, лошадиная морда, сообразил: нужно сделать так, чтобы родители попросили меня прогнать. Надо начать кампанию. Он выписывал чеки. Нанимал и увольнял сотрудников-индусов, но, чтобы надавить на монахиню, ему придется постараться.

Кроме него монастырем управляли монахини и священники, белые, старательные, бесполезные, застрявшие в стране, которой не понимали. Дни напролет они лишь слабо улыбались. Дхарам Лал отлично понимал, что такое власть и как ею пользоваться. Но это не имело

---

⁹⁹ Уличный торговец чаем (*хинди*).

значения. Ни для Клэр. Ни для меня в ее светлой прохладной келье. Она заставляла меня заниматься изо всех сил. Она гордилась моими успехами, улыбалась, когда почерк мой становился все тверже, английские слова звучали все естественнее. Я учился хорошим манерам, и уверенность моя крепла день ото дня.

Мы трудились усердно. Клэр возвращалась после уроков, лоб ее блестел от пота, пряди волос выбивались из-под убора: она только-только закончила вести занятия у дочек индийской элиты, объясняла им систему времен, ставила с ними «Звуки музыки» и успокаивала, если дочери какого-нибудь *крорнати*¹⁰⁰ не досталась роль Марии.

Порой она брала меня с собой на занятия к девочкам, я сидел в дальнем конце класса и наблюдал, как ученицы осваивают бхаратнатьям¹⁰¹, риторику или латынь.

Было странно видеть, как эта белая женщина служит нуждам смуглых. Клэр создавала девочек по своему образу и подобию, чтобы они смогли оставить родной город и страну. Со мной она делала то же. Как-то раз одна из девочек посмотрела на меня, отвернулась и что-то написала на клочке бумаги. Передала ее подружке, та другой и так до последней, которая скомкала записку и кинула мне. Я сунул ее в сумку, чтобы не привлекать внимания, чуть погодя развернул и прочитал: «Ты ее выблядок?» Написанного я не понял, но больше на девочек не смотрел.

Друзей у меня не было. Я не ходил гулять. Не разговаривал с девочками ни в школе, ни на улице. Клэр гоняла меня почему зря. Если я не справлялся, ругалась: «Не будешь стараться, останешься тут навсегда. И у тебя никогда не будет той жизни, которой ты достоин».

Разозлившись на меня, она разговаривала сквозь зубы и смотрела сердито. Так могло продолжаться неделями. А если и обращалась ко мне после занятий, то исключительно за обедом, когда учила, как вести себя за столом. «Спину прямо! Перец! Локти! Салфетка!»

Я учился все лучше и лучше, жадно поглощал знания, и для «поддержки развития», как Клэр написала в анкете, она определила меня в благотворительную школу в Нью-Дели, созданную по правительственному проекту, который каким-то чудом был выполнен. Отец же нашел мне замену: электрическую мельницу для специй, и очень этому радовался. Дела шли в гору. Мое отсутствие он наверняка объяснял тем, что я учусь в школе при монастыре, которую он оплачивает при первой возможности. Еще немного – и туристы проложат к нему тропу. Я был ему больше не нужен. Я выполнил свое предназначение. Двенадцать лет, а миссия уже выполнена.

Клэр каждый день проверяла у меня уроки, регулярно просматривала мой табель. Если с чем-то не соглашалась, горячо спорила с моими учителями. Она была в курсе всего. Покупала мне учебники и одежду на собственное жалованье, которое канцелярия задерживала все чаще.

Мне приходилось нелегко. Если Клэр казалось, что я ленюсь, она неделями не разговаривала со мной и даже не смотрела в мою сторону, и ночами, когда отец спал, утомленный женским обществом, я плакал – из-за страха, что Клэр меня бросит, что я снова стану ничтожеством, что я никто без нее.

Я трудился так, словно того и гляди оступлюсь, согрешу, будто есть во мне какая-то грязь, какая-то порча, и мое дело – не дать ей воли.

Я учился. Жить стало лучше.

А потом, когда мне было четырнадцать, все пошло наперекосяк.

---

¹⁰⁰ Миллионер (*хинди*).

¹⁰¹ Бхаратнатьям – один из классических стилей индийского танца.

Пять

Родители Рудракша Саксены заплатят. Если на них свалилось богатство, пусть отдадут мою долю.

Деликатничать я не стал. Не слал им сообщений с намеками. Не просовывал писем под дверь. Выждал два дня, переделся доставщиком пиццы и вошел напрямик в эту самую дверь. Застал их врасплох – никаких тебе любезностей, никаких открыток «Поздравляю с аферой!».

Квартира семейства Саксена гудела как улей. Журналисты всех мастей – толстые колумнисты, худые до прозрачности блогеры, – завистливые соседи, десятки владельцев школ и подготовительных курсов, жаждущих заполучить фотографию Руди к себе на билборды, рекламисты, хозяева магазинов, подхалимы из Народной партии кишели на лестницах и в коридорах, я пробирался сквозь толпу, как кинозвезда на кашмирском лугу. Явились даже священники, черт бы их побрал, чтобы сотворить кали пуджу¹⁰² или что там у них принято, дабы омыть грехи мира. Еще немного – и сюда явятся хиджры: дайте нам несколько тысяч рупий, а не то проклянем Руди и несчастные его дети родятся гермафродитами.

Я на миг задержал дыхание.

И вошел.

– Пицца, сэр, пицца, сэр, осторожно, осторожно, сэр!

Невидимый.

Незамеченный.

Прекрасный.

Но нет – меня тут же остановили.

Я и бровью не повел. Никто и никогда не скажет, что я хоть раз растерялся в непредвиденной ситуации.

Мускулистый коротышка с седеющими волосами, уже обрюзгший, но в прошлом, несомненно, поучаствовавший не в одном стихийном любительском соревновании по рестлингу, протянул ко мне толстую руку:

– Ваше удостоверение, сэр.

– Доставка пиццы, сэр.

– Покажите мобильное приложение и номер заказа, сэр.

В общем, типичная индийская ситуация, пассивно-агрессивная беседа, оба участника которой держатся преувеличенно-вежливо и называют друг друга «сэр».

– Кто вы, сэр?

– Независимый консультант по вопросам обеспечения безопасности, которого счастливая семья наняла для охраны мероприятия, сэр.

Вот оно что. Замечательно. Наша порода. С ним можно договориться.

– Сколько? – спросил я и добавил: – Сэр?

В мозгу у него щелкнуло: он обо всем догадался.

Прикинул на глаз, сколько я зарабатываю, насколько сильно хочу попасть внутрь и, что самое главное, сколько запросить от того куша, который я рассчитываю сорвать.

– Две тысячи, сэр, – он понимающе улыбнулся. Я достал деньги, и коротышка опустил руку.

– Сэр, – сказали мы в унисон и тепло кивнули друг другу.

Вся прихожая была заставлена обувью – туфли, поношенные китайские кроссовки, сандалии в пятнах пота. Странно: в предыдущие мои визиты Саксена не просили меня разуться. И вдруг такое благочестие.

---

¹⁰² Пуджа – обряд поклонения богам, в данном случае Кали.

В гостиной тянулись провода, сновали угрюмые операторы. Издерганная служанка металась от гостя к гостю, пыталась уберечь ковры от соуса имли¹⁰³, подметала крошки, уносила бумажные тарелки с недоеденной самосой, предупреждала мужчин средних лет, чтобы не поцарапали столики из грецкого ореха.

Повсюду громоздились коробки конфет, самоса, шоколад, кебабы, букеты цветов в блестящих стопках открыток, предложений о браке, рекламных договоров, валялись десятки красных конвертиков с наличными, причем снаружи каждого крепилась монетка в рупию – на счастье. Я взял конвертик-другой, сунул в коробку от пиццы. В конце концов, это мои деньги. Да никто и не заметил.

И посреди этого хаоса стоял виновник торжества. В новом сером костюме (как я потом узнал, «Армани») и шикарных кожаных мокасинах с дурацкими кисточками. Он давал интервью какой-то пижонке – идеальное произношение, алые ногти и курта¹⁰⁴ из Хан-Маркета¹⁰⁵.

По крайней мере, при виде меня ему хватило ума побледнеть. Каждому хочется, чтобы его иногда боялись.

Мистер Саксена цеплялся за сына, как чиновник за свое кресло. Какой-то режиссер устанавливал телекамеру. Руди вытаращился на отца, точно дохлая рыба, потом перевел взгляд на меня. Попытался кивнуть в мою сторону. Того и гляди, у него случится приступ – наподобие тех, что изображают богачи, когда хотят отвертеться от обязанностей присяжных. Наконец до мистера Саксены дошло, что я тут. И сперва он совсем растерялся. Сын продолжал дергать его за руку – мол, уведи *этого*

---

¹⁰³ Имли – соус из тамаринда.

¹⁰⁴ Курта – длинная рубаха без воротника свободного покроя.

¹⁰⁵ Престижный район Дели с дорогими магазинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.